

Летопись азиатских походов.
Впечатления участника и руководителя
о спортивном походе пятой категории сложности
по Памиро-Алаю в августе 2007 года.

Из статьи в местной газете «Чемпион»:

«...31 августа команда ульяновских туристов вернулась из экспедиции в Киргизию. Ребята прошли сложный горный маршрут по Матчинскому горному узлу, что входит в горную систему Памиро-Алая. **За 22 дня пройдено около 200 км через 10 перевалов. Перевал Землепроходцев (2Б, 5 180 м) пройден впервые, перевал Нансена пройден второй раз, но по новому пути, впервые пройден сложный ледопад на леднике Рама по пути спуска, совершенно восхождение на вершину пика Землепроходцев высотой 5 409 метров...»**

Вы когда-нибудь бывали в Средней Азии? Утвердительно ответить сможет далеко не каждый, потому что Азия сейчас более труднодоступна, чем при бывшем СССР. Но, тем не менее, тот, кто бывал в Азии, обязательно туда вернется, чтобы еще раз окунуться в неповторимый и колоритный мир Востока. Вас встретит жаркое солнце, избыток или недостаток влаги, добродушный и неторопливый народ. В Азию или влюбляешься всерьез и надолго, либо не принимаешь совсем.

Нам удалось этим летом побывать в Азии, причем сразу в четырех странах: транзитом в Казахстане, с экскурсией в Узбекистане и Таджикистане, а потом в Киргизии и Таджикистане, где в интересном высокогорном районе пройден сложный поход пятой категории сложности. В совокупности с подъездами и отъездами все это мероприятие можно смело назвать большой экспедицией. Столько вопросов и проблем пришлось решить перед отъездом, во время проведения и после, что на описание всего потребуется целый труд. Но вкратце все было так...

Перед отъездом несколько месяцев пришлось готовиться в усиленном режиме по общей программе горного похода и отдельно по пересечению границ сопредельного государства: как проходит таможенный досмотр, паспортный контроль (для посещения Узбекистана потребовалось оформлять загранпаспорт), заполнять таможенную декларацию, а для прохождения маршрута по Киргизии пришлось оформлять пропуск в пограничную зону. Вроде все знакомо, если судить по походам на Кавказ, но какие масштабы!

В команде шесть человек, все мужчины.

Сергей Гайдаенко – слесарь с УАЗа, с опытом полу пятерки. 34 года, первый разряд по туризму. Немного нудноватый, флегматичный парень, но поистине слесарь! Руками может рюкзак сшить, железяку какую выточить. А как он ориентируется по топографическим картам!.. В группе, естественно, реммастер.

Дмитрий Рожков – здоровенный, двухметрового роста инженер. 23 года, второй разряд по туризму. Опыт слабоват (участие в тройке + прохождение локального препятствия 3А категории трудности), но потенциал есть. Жаль, что ленивец (а раззадорить не смог). Мечтает о кругосветке. Его бы силищу да в хорошее спортивное русло... В группе – завхоз (как я его раскручивал, чтобы он выдал раскладку!).

Александр Плешаков – менеджер. 30 лет, второй разряд по туризму. Имеет кличку Палекс (Плешаков АЛЕКСандр). Здоров, но как всякий творческий кадр, может что-нибудь не досмотреть (рукавицы забыть, ботинки не промазать). А творчество у

него тоже своеобразное. Я называю его «квадратным». Может быть потому, что мне не всё понятно?.. Опыт двух четвёрок и одной пятёрки. Судя по отзывам и его впечатлениям, сложные походы даются ему тяжело. Но не скрипит и не жалуется. В группе – мед брат и летописец.

Андрей Трофимов. 36 лет, КМС по туризму. Работает высотником и как общественник руководит клубом туристов «Сплав». Ещё один здоровяк. Имеет точку зрения на жизнь, и, если взял вектор, сила, как у бульдозера. Опыт: участие до шестёрок, руководство четверками. На сегодняшний день капитан без команды. В группе – видео-оператор.

Кушманцев Иван. 21 год, первый разряд по туризму. Мой сын, студент Политеха. В последние годы проявил не дюжие способности к овладению техникой туризма и альпинизма (врождённое что ли?). Перед этой пятёркой успел съездить на Кавказ и сделать третий разряд по альпинизму! Спортивен, хотя и с лентой. В группе – казначей и лидер на сложных участках.

Кушманцев Стас. 45 лет, МС. Оплетён хвостами сомнений, не всегда понимаю шутки. Тщеславен. Опыт есть, но хочется большего, а с командой постоянно не ахти. Но вот всё же что-то удалось скомплектовать, и я пытаюсь руководить этой разношерстной братией...

На провожание пришло несколько человек, в основном турье, конечно. В очередной раз меня лично никто не пришел проводить. Предсказуемо, хотя и немного обидно. Наверно, это правильно. Значит, поход опять удастся.

Выехали из Ульяновска 28 июля в прицепном вагоне «Ульяновск – Ташкент». Почти двое суток проводницы стращали нас прохождением таможенного досмотра на границах с Казахстаном и Узбекистаном, но все оказалось гораздо проще. Все-таки, россиян ещё уважают и даже малость опасаются. Но документы проверяли и даже пытались проверить наши тяжеленные рюкзаки. Общее впечатление: процедура не из приятных...

...Продавщицы-вагонохозяйки цыганят деньги на предлог того, что им дают план на три штуки (тысячи) по чайной продукции. «Скидывайтесь по 50 рублей!». Чистой воды вымогательство. «Я видела, у вас есть деньги! Доставайте, доставайте!» Кто-то даёт, кто-то нет. Наши как-то отбрехиваются, только Андрей внёс требуемое на обещание взамен шоколада и чая. «Я не экспроприрую, тут еще Казахстан будет!» За окном проносятся равнины.

Благодарность. «Андрей Александрович Трофимов, от лица Российских Железных Дорог выражает Вам благодарность за Ваше Добровольное пожертвование в размере 50 (пизят) рублей на развитие сбытово-сервисной сети.

Спасибо Вам. Продавщица с погонами толстенная рыжая Наташа. Продавщица в штатском толстенная крашеная блондинка Ира...» (текст мой, Андрей в курсе).

29 июля.

Вчера пообщался с узбеком в поезде. Он спросил меня:

- Куда едете?

- В горы.

- В какие?

- В Памиро-Алай.

- Памир – это в Душанбе.

- Значит, сейчас выйдем.

Еще он меня спросил:

- Откуда?

- Ульяновск. А вы?

- Узбекистан.

- А в России что делали? – спросил я, уже зная ответ.

- Работал. Нет дома работы.

И мудро посмотрел на меня. Я посмотрел в его иссеченное солнцем юга лицо, умные, какие-то детские беззащитные глаза, которые многое хотят сказать, но мало умеют, и понял, насколько мы злы и насколько беззащитны они, все эти Равшаны и Джумшуды.

В поезде становится всё жарче. Не помогают открытые кое-где окна. Серёга, когда зависает над проходом в позе орла, роясь в своем рюкзаке, так истекает потом, что кажется, будто он в бане. Он заварил опять удивительной вонию еда, так что нос режет запах. Я попил кофе, и у меня мозг начал давить на лоб. Давление...

Немного утихла та музыка в игрушке у ребенка в соседнем «детском» купе, где живет Ванька. Но в голове она продолжает жить, продолжает, продолжает, продолжает. Так что хочется разбудить этого мальчика, чья игрушка играет эту мелодию, отобрать ее и разбить...

Сегодня ночью шмон на таможне. Шутим. Ни разу еще не встречался с таможенниками (теми, что на границе). Вспоминаются песни и анекдоты.

У нас Серёгой спор по перевалу Скачкова. Он утверждает, что крутизна перевала на подъеме 45⁰ и выше, я – что ниже. С его стороны – мне бутылка шампанского, с моей – сувенир в пределах 100 рублей. Свидетель спора – Ванёк.

...20:51. Илецк. Проводница Наташа проинструктировала, как вести себя и что везти нельзя. Прошёл человек в форме, осветил фонариком, спросил: «Везёте аношу, героин?». Блин, чувство сюрреализма. Будто анекдоты вошли в жизнь. Ещё часа полтора здесь.

Слушаю разговоры о жизни узбекской. Довольно забавно. Жаль, нет диктофона. Про поездные ракеты, про события всякие в Андижанах, про президентов. Узбеки, те, что поумнее, стараются сесть в ульяновский вагон. Магическое слово «Россия». Россию меньше шмонают.

Направо – степь до края горизонта. Налево – абсолютно такая же степь. Изредка – станции с людьми, загорелыми дочерна, домами, едва проросшими из земли.

Вчера одолели две таможни – России и Казахстана. Все достаточно просто. Много ржали (шутили), пока ждали отправки поезда. Пытались поиграть в ракетиров, отдать Ваньку в рабство.

Озабочен лекарствами. Разрешат ли ввезти?

Вот сейчас, например, видны были горбы. Одни горбы. Просто головы верблюды склонили в приветствии, как страусы спрятали.

Народ узбекский очень завидует киргизам, потому что у них упрощенная схема по виду на жительство в России. Удивляются тому, сколько народу едет в РФ на заработки. Вспоминаются Чингиз Айтматов с его Сары-озеками.

Серёге чудится Кин-Дза-Дза.

Рядом проплывает солончак. Андрею кажется, что вода.

Местная жизнь теплится только рядом с железной дорогой. Жмётся к ней, кормится от неё. Смотрит в лица едущих узкими глазами. Закрывается от степи дощатым забором. Продаёт в вагонах верблюжьи одеяла, игрушки детям, мороженое.

Повезло с попутчиками. Рассказывают о местных, о всяких вещах. Служащий с Байконура, три полуташкентки-полурусские, и мы с Серёгой.

А дома для умерших здесь строят лучше, чем для живых. И это называется маза-ры. Дворцы павших. Вдоль дорог стоят как памятники архитектуры.

Наконец, мы в Ташкенте! Столица Узбекистана встречает нас небывалой жарой! Даже в тени не испытываешь прохлады... На вокзале нас встречал давнишний друг Борис Карпов – представитель фирмы, занимающейся тур операторской деятельностью. Размещаемся у него в доме, решаем организационные вопросы по пропускам, питанию и, конечно, транспорту. И надо отдать Борису должное, что все вопросы были решены вовремя и достаточно быстро. Живёт он в двух шагах от российского посольства (район Мирабадского базара). Дом старенький, но атмосфера, действительно, как у себя дома! Напоили зелёным чаем, покормили виноградом, поговорили за жизнь...

Гуляли по ночному Ташкенту. Формально – в поисках поужинать, реально – посмотреть, как живёт такой вот настоящий, восточный город. Вышли поздновато, где-то в десять вечера, там наверняка самый большой аншлаг – в районе 8-9. Огни реклам, тот же Билайн, только с узбекским акцентом, тот же МТС (Мегафона нет), разве что с восточными лицами в расчёте на азиатов, да суммами, указанными в сумах (или в долларах, т.к. там пересчитывают автоматически в них, рубли там тоже котируются, но меньше).

Русская красота – красива, а азиатки, они другие. Много толстухек, которые не стесняются своих габаритов. Главное – бойкость характера ☺. В итоге, обошли кругом парк, рядом с которым жили, а в кафешки либо не решались зайти из-за их сильного отличия от наших, нам понятных, либо заходили, а там лишь пиво, лимонад да алкоголь. Из еды сплошной шашлык-машлык (там любят так повторять: чай-май, баксы-максы и т.д., в зависимости от того, насколько ты не ограничен во времени). В итоге зашли в кафе практически рядом с домом. Хотели зайти на веранду, но зазывала пригласил нас дальше. Вошли. Кино. Типичное восточное кафе («Али баба» и называется). Фонтан, столики, возвышения с «достарханами». Сели за столик, заказали, памятуя о дешёвом, но маленьком шашлыке, по две порции, литр томатного сока плюс бутылку красного полусладкого. Шашлык весь из баранины, свинины – ни-ни. Либо есть, но дорого. Пока ждали заказа, тарачились на большой экран с каким-то арабским МТВ, на красотку-проститутку за соседним достарханом. Официант извинился, что не может пустить нас посмотреть стриптиз – дресс-код, в шортах нельзя. Съели мы шашлыки, выпили вино и сок, расплатились двух сотками так стрёмно, это всё равно, что в кафе рублями расплачиваться ☹, и «домой».

О чем еще рассказать? О том, что на Востоке всё решают деньги? Начать надо с поезда, где нас пугали проводницы поборами и докопками, и этого, слава богу (мать бывает только божья, как написано в послании, переданном Митьке в дорогу), не было. Приехав в Ташкент, таксист рассказал об уровне жизни в Узбекинии. Что матери приводят на панель дочерей сами, с 13 лет, и цены – от 15 до 25 тысяч сум (курс 1 рубль примерно 50 сум).

- Хочешь сладкий персик?

- А точно сладкий?
- Ой, сладкий...

Утром, в пять встали, к Борису пешком, мимо грустных зелёных полицаев, мимо скушающего в будке охраны российского посольства человека. Погрузились в «Форд транзит», и поехали преодолевать границу с Таджикистаном...

Процесс таможенного досмотра и паспортного контроля, заполнения декларации, но все быстро, благо, что рано, очередей нет, еще довольно прохладно... И всё же пограничники поставили штампы с ошибкой. Вместо первого августа – первое июля! Получилось, что мы пересекли границу до того, как въехали в Узбекистан☺. Досадное недоразумение в паспортах исправили... обычной шариковой ручкой!

На таджикской стороне нас встречает очередной транспорт и проводник – Капича Эдуард Иванович (дядя Эдик), непонятный мутный человек, неизвестно чем нам в итоге помогавший ☹. Загружаемся, и вперёд – горы ждут!

Следующая остановка – пропускной пункт близ населенного пункта Баткен. Здесь граница Таджикистана и Киргизии, хотя эту границу мы пересечём ещё не раз. Но сейчас выполняем необходимые формальности, ставим нужные печати, получаем недостающие документы. Но все делается уже с восточным оттенком: медленно, степенно и даже не хотя. Для ускорения дел в Азии есть только одно средство – деньги. Это срабатывает, и мы едем дальше. Водитель (Мир-Джалол) попался очень общительного характера, и в машине времени зря не теряли. Для нас проведена отличная экскурсия по Таджикистану, а по возвращении из похода обещана вкусный плов на день рождения командира группы!

При проезде от поста Фотехабад до Воруха водитель Джалол (Джамолетдин) сказал, что он бы и без постов нас довёз до Воруха. И не сомневаюсь, потому что как водитель он весьма и весьма! Довёз на «Газели» по горной дороге и сломал только переднюю правую рессору, но пришлось бы заплатить. Платишь – едешь.

И вот последние километры пути, Газель еле ползёт с нашими рюкзаками, команда радостно и с долгожданным желанием подвигаться после пятидневного лежания на вагонных полках подталкивает микроавтобус к желанной цели нашего старта – святому месту (Мазар) в долине реки Чегеслы, что в 12 км выше кишлака Ворух. Прощания, наставления и вот уже горный воздух и тишина обволакивают нас, и мы с наслаждением понимаем, что все-таки добрались до гор, и что завтра оно начнётся – очередное покорение себя!

2 августа.

Рано утром нас будит громкий крик молоденькой таджички, которая сообщала своей сверстнице, расположенной на соседнем отрожке (по расстоянию – километра 1,5!) какие-то сведения. Видеть, и слышать это было довольно забавно!

Не торопясь, собираемся и начинаем подъем на несложный перевал Дунон. К перевалу ведет дорога не везде оправдывающая это название, но все же дорога. По ней умудряются ездить даже на мотоцикле! Были свидетелями, когда крутой участок дороги таджики преодолевали с нескольких попыток, причем с разгона! А мы потихоньку несли свои тяжеленные рюкзаки по серпантину дороги. На перевале нас застала гроза и штормовой ветер с ливнем, вот тебе и Памир!

По хорошей тропе сбегает в долину реки Бирксу, где и располагаемся на бивак. Здесь еще есть лес, насобирали дров для костра. Голова немножко гудит, чувствуется усталость. Это процесс акклиматизации, организм приспособляется к высоте.

Сейчас, например, обеденный перерыв первого дня. Есть не то что бы хочется, но и неплохо, что обед есть. И есть несколько вещей, о которых бы хотелось рассказать. Сейчас вот сижу на удобном мешочке, в котором покоится пуховик. Весьма удобно – такая небольшая подушечка. И не нужно коврика для пятой точки.

Вокруг народ. В количестве пяти человек. Если подумать, то немного. А если ещё раз подумать (как говорит Ванька «думать буду я, а ты выполняй»), то – много.

Также вокруг, рядом с тропой, где мы устроили обед (поздновато, ведь время около четырёх часов дня), колосится арча в виде деревьев (Стас напомнил о той арче, что на Кавказе, а она там совсем маленькая, кустарниковая), и всё разбросано отнюдь не в шахматном порядке. Вонючий коровий навоз, вода стекает (как в той книге, про кадетов) по камням, и её очень трудно набрать в кружку.

Ванёк распалил костёр для чая («Палекс, пойми (из словаря Ваньки), опиши, сколько я съёл дров, чтобы сэкономить бензин, чтобы был нереальный костёр»).

Пока это писал, выглянуло солнце, после того дождя, что преследовал нас на перевале Дунон («Оооо, Данон!»), и это замечательно!

3 августа.

Вчера преврался на сон ☺. Ложимся здесь рано, по нашим меркам, девяти вечера еще нет. Ванёк выбрал место для палатки у воды, поэтому спал в ней сам плюс Серёга, которому по всё равно. Мы спим в «Баске», пониже, где меньше шума и холода от потока жидкости, гнущей берега, текущей с ледников в горах.

Все эти думы, наверно, пустые мечты, но как же они обманывают! Привыкаешь жить не здесь и сейчас, по крайней мере, я. Ведь я не умею получать удовольствие от простых вещей, вернее, умею, но плохо – от горячего чая, от теплого спальника (очередное спасибо Юке и Владу за это чудо!), а живу мечтами о будущем.

Запалил примусы. Приготовил еду. Пока готовил, подошли коровы и две местных женщины, идущие как пастушки (не знаю, есть ли в Азии пастораль) наверх, по долине. Одна из них погнала коров выше, вторая погрузила на ишака дрова (сухую арчу, которую, видимо, намывает селями и рекой, и которая, вроде бы, заранее стаскивается в одно место), и уехала. Потом вторая, старушка вернулась, подошла ко мне, и начала трещать на иностранном языке ☺, то ли таджикском, то ли киргизском, уж не знаю. Я ничего не понял, она, скорее всего из моего иностранного русского тоже, но мы почему-то все время друг другу улыбались. Знать бы еще, о чем говорили ☺.

Вышли в восемь. Идет нормально, только груз несколько тяжеловат. Но ничего, «и это пройдет», как говаривал Соломон. Странные это места. Русская береза соседствует с арчой, встречается рябина, боярышник, шиповник (последние два дня вечером добавляли в чай). Рядом течёт ручей, сигая через камни. Трава, на траве и на тропе коровьи лепешки. Как и вчера. Как сказал Ванёк: «Если нагадить на тропу, никто и не заметит» ☺.

А над нами уже встают дымящиеся горы...

Следующий день посвящаем подъему на ледник Бирксу. Путь оказался тяжелым, день жарким. Спина мокрая. Под рюкзаком. От пота. Иногда идет мелкий дождь. Иногда сыплет лучи солнце. Так и живем.

...Обеденный стояк под большим каменным валом, из-под которого вырывалась будущая река. Пожаловали гости (или мы к ним?): чабан, его четыре верных пса и отара овец в четыреста голов! Голов было, действительно, много и очень разнообразных: от простых и знакомых нам овец, до крупных курдючных (специальные овцы с большими задницами ☺) и всевозможных козлов, баранов и прочей рогатой, лохматой и прочей овечьей живности. Короче, обед прошел не скучно. Овцы любопытные, собаки стеснительные. Как в тех разговорах про стеснительных казахских гаишников, которые краснеют, когда просят предъявить права, и штрафуют друг друга, чтобы выполнить план.

Немного устал, и не только я (про Серёгу уже и не говорю!). Устали все. Андрей даже задремал, пока еду готовили. Сижу, понемногу загораю, шутка ли, две недели предстоит провести в снежно-ледовой зоне. Киргиз сидит в резиновых сапогах, в теплой рубашке, и нисколько этим не парится. Но, чуется мне, парится тем фактом, что работает на хозяина, чьи овцы. Нашли среди прочих овцу-неформала. Нестрижена.

Показал ребятам настоящие эдельвейсы! Конечно, это вызвало смешенные чувства, потому что цветочки очень маленькие, невзрачные на первый взгляд, но постепенно проникаешься к ним каким-то теплым чувством оттого, что они растут там, где, казалось бы, цветам расти невозможно!

Часов нет, я же счастливый человек! Мне сейчас реально хорошо, мне же не плохо. Да, трудно, но неплохо (так, или примерно так бы сказал Евгений Гришковец). Немного поддувает ветер с ледника, уже сохнут губы, немного жарится лицо. Немного ноет спина, но это понятно.

Видна снежная стена за моренным обрывом. Еле слышно поют птицы, из остальных звуков – ветер и дыхание подходящих к привалу людей.

Каменные россыпи после обеда умаяли нас до предела и дневную норму выполнить не смогли. Расположились на каменных осыпях, предварительно выложив из плоских камней площадки под палатки. Дима, снимая рюкзак, сломал гитару. Вечер проходит уныло и скучно. У многих болит голова...

А высота уже около четырёх тысяч! Скоро к нам придет в гости перевал Бирксу, но пока его не видно. Прячется.

В долине дождь. Гремит гром, идет свежак. И песни Стаса под подбитую Митькой гитару. Не представляешь всего удовольствия от падения в спальник. Может, это одна из тех вещей, которые ждут своего часа? Пишу, сидя в палатке. Темнеет. В открытый полог видны молнии. Лишь бы погода к нам была добра.

Совершенно не отдохнувшие, разбитые после кошмарной ночи, к полудню добрались до перевального цирка. Пока готовился обед, общими усилиями починили гитару. Спасибо Андрею, который взял с собой в поход суперклея! Это чудо клеит все подряд, включая пальцы, и мгновенно!

Потом был долгий и утомительный подъем на перевал Бирксу, на который поднялись поздно вечером. Перевал не сложный, но горняшка берёт своё, рюкзаки тяжеленные, а потому темп был медленный, усталость сильной, а перевал высокий – 4 250 метров! Вместе с нами на перевал пытался выползти плотный туман, но его упорно сдувал ветер из долины Джиптыка. В лучах заходящего солнца всё это походило на настоящую феерию! А какой вид нам открылся! На юге сквозь разрывы облаков красовался в снежно-ледовой броне Туркестанский хребет! Были видны вершины и пере-

валы, к которым мы придём, а некоторые и пройдем! Сильный ветер не позволил долго находиться на седле, да и время поджимало.

По мелкой осыпи быстро спустились с перевала в лошину, где темп резко снизился. Тропа вела по подвижным камням и представляла собой серьезную опасность («живые камни»). Ребята невесело шутили, что «лучше быть в десять дома, чем в девять – в морге...».

А путь крутой, впереди какой-то скальный створ, воды все нет (хотя прошли уже несколько площадок), а «на улице» заметно вечереет... Поднявшись на террасу правого борта лошины, где есть хорошие площадки и места для биваков, после тщательной разведки убедились, что и здесь воды нет. Спускаться дальше было не безопасно, хотя внизу и манила бликами река Джиптык. Все устали, а потому как-то спокойно восприняли решение переночевать на террасе, а завтра спуститься к реке. Разделили на всех остатки воды, три яблока и отправились отдыхать. О гитаре никто не вспомнил...

4 августа.

Из-за лекарств ли, из-за чего другого, народ всю ночь бегал в туалет по-маленькому. В нашей палатке Митька и Андрей поняли друг друга telepatically: Митрий сел в спальнике, а Андрюха тут же поднялся. «- Идем? – Идем!».

Немеют пальцы. Стас говорит, что это первый признак остеохондроза. Возможно. Не знаю. Слишком много народа немеет ☺. И не только руки, но и губы, и даже задница у Митьки...

Стас спорил с Серёгой насчёт пить воду или не пить. Стас против. Серёга приводит аргументы в виде мнения какого-то марафонца, который для него авторитет. Но здесь другие условия. Это не марафон. Я не пью тоже, кстати.

Обгорают губы. На ночь – пантенол плюс левомеколь (болит спина). Стараюсь садиться спиной к солнцу или быть в тени чего-либо – рюкзака ли, полей ли кепки, камней. Надеюсь, что губы не потрескаются как когда-то на Эльбрусе.

Скалы причудливые. Красноватые, слоёные, и почти под маковку засыпанные обломочным камнем. Если кто-то возьмётся, и расчистит эти горы мусора, скалы будут вторыми чудесами света. Или первыми. Небо чистое, только мелкие-мелкие облачка белые.

Если собрать все камни, разбросанные здесь, взять с площади 20 x 20 м², можно построить замок. В этом замке могла бы жить она, принцесса. И иногда я, этаким принц, на не пойми каком белом коне, или огнедышащая змеюка, возвращающаяся из далёких странствий, кружил бы вокруг замка, оглашая окрестности воинственным кличем на постоянно спотыкающемся коне (ведь кроме 20 x 20 ничего бы не было убрано), или дышал огнём на эти камни, оплавляя их. Впрочем, не только я, но и принцесса могла бы быть драконом женского пола, и мы могли бы ночами летать над горами, а днём спать, завернувшись в крылья друг друга.

5 августа.

Вчера срубались с Бирксу (1Б) дотемна. А это «темно» уже в восемь вечера. И нет воды для ужина – ни ручья, ни подкаменной воды. Тяжёлый день! Ручьи сухие. Пробовали копать, да куда там! Ноль. В итоге, взвесив все за и против (за – ночёвка у воды, против – движение по отрицательной зеленке в темноте), решили остаться без

питья и заночевать. Кто хотел, съел сыр. Я нет. Только яблоко, плоды – в карман на утро. Всю воду, которую собрали, выдали порционно каждому, без обид. Я не хотел пить, поэтому выпил эту воду только утром. Спать...

Быстрые сборы по утрам, получасовой спуск по гребню отрога до чистого ручейка, где все вволю напились живительной влагой! А вскоре завтрак подкрепил наши силы, чтобы попытаться выполнить намеченные цели. Во время трапезы подошли два охотника-киргиза. Блин, одни человеки! В горы с трудом выбираешься от цивилизации, и тут они тоже. Неплохие парни. Один довольно хорошо говорит по-русски. Спросил, сколько у меня детей (типа, нафига я по горам мотаюсь, кто детей кормит). Ответил.

– А сколько лет?

– Тридцать.

– А мне двадцать девять и у меня четверо.

Вот такой вот упрек мне, безродному и сирому. Принимаю ☹. Он работал в Москве, депортировали, сейчас вот ходит, бьёт из своей мелкашки животных. Сказали, что два-три дня назад шёл снег с дождём. Нам такого бы не надо.

Слева вырисовывается наша система, которую должны излазить. Мощные белые пики. Мощные белые перевалы. Серый: - Нежаркая средняя Азия. О да! Ветерок поддувает, и комфортно только в пуховике.

Вчера, когда не было воды на ужин, почему-то вспомнились «пегий пёс, бегущий краем моря» всё того же Айтматова, где взрослые отдают мальчишке последние свои глотки, и шагают с лодки в воду. И он один из них выживает. И вспомнился спуск с Белухи, ночь на леднике, где я дежурил, а из палатки кричали: «Не надо чая. Воды нам, воды! Просто воды попить!».

Как всегда, последними собираются Ванёк и Митрий. Нафига такие рюкзаки, которые невозможно быстро собрать? Или это люди? Мне вот мой вариант рюкзака очень нравится. Труба, с обрезанными карманами. Ещё бы клапан наверху перешить, молнию поправить. Плюс сделать два кармана – один для бутылочки с водой, второй – для письменных принадлежностей и документов. В карман вшить пакет, который не рвется и держит влагу.

Губы опять сохнут. Будет очень-очень плохо, если они сгорят и порвутся.

Вот вроде бы всё плохо, отвратно, а тут раз – и настроение сразу ввысь! Сегодня влёрились в морены, хотя вначале могли пройти по реке, снизу, и были бы уже на предполагаемом месте ночёвки. А мы по моренам. Нашли трещину в скалах, я все боялся, когда в неё из любопытства лез, что оттуда вылезет какой-нибудь зверь ☺...

Очень хотелось пить, сушняк ужас. Хотели обеда, а воды на морене наверху нет. Шли до обеда, как говорится – при условии воды. Наконец, на третьем озере, отмеченном на карте, вода. Озеро. Привал, обед, и полуднёвка. Купались, играли в ножички на высохшем дне озера, бросали камни кто дальше, кто-то подгонял кошки, кто-то пропитывал ботинки, Дима соорудил из местного мусора крышку для котелка и половник, которые забыли дома. Рассказывали истории из своих «прошлых» жизней. С гребня морены был хорошо виден перевал Михаила Хергиани (Юрия Гагарина), куда нам предстоит сделать заброску продуктов.

Когда губы в пантеноле, похож на негра в негативе (с белыми губами) ☺.

6 августа.

Сегодня рождение Сан Иваныча, а отметить нечем...

Второй привал после выходки. Движение по моренам с крупными камнями напоминает танец. Почему? Те же танцующие стелющиеся движения, то же улавливание дальнейшего, ощущение камня под ногой.

Отдых пошел на пользу и уже к обеду следующего дня вышли под свой первый сложный перевал маршрута (перевал Скачкова), где оставили заброску продуктов, понаблюдали за склоном (перевал еще никто не ходил, мы должны быть первыми). После обеда с заметно полегчавшими рюкзаками отправились к перевалу Хергиани. Путь через ригель под перевалом ОПТЭ себя не оправдал, пришлось спускаться вниз и обходить его по средней террасе. Это отняло у нас больше часа, в результате чего бивак пришлось устраивать на каменных островках у ригеля на леднике Хергиани, а не перед перевалом, как планировалось ранее. Ужинали при звёздах. Вот и началась снежно-ледовая зона.

Рано утром, оставив в палатках все лишнее, вышли на штурм перевала Михаила Хергиани. За ходку подошли под скально-осыпной контрфорс и начали подъём. Путь прост, но есть участки, где необходимо лазание, чуть позже понадобилась и страховка. От предпоследнего скального жандарма повесили справа от скал четыре веревки по льду с выходом на снежный склон. Далее в связках, по ступеням утомительный подъем на седловину перевала. Пока упаковывали заброску, приготовили обед. На перевале голова тяжёлая, поработаешь ледорубом, вырубая снег, а кажется, что разгружал вагоны. Вагоны со снегом. Не торопились специально – высота почти 4 800, а нам нужна хорошая акклиматизация, потому что вскоре поднимемся на эту высоту и будем жить там более двух недель! Но рано или поздно, а пора «домой».

Чтобы не испытывать судьбу на прочность, решаем повесить веревки до скального контрфорса – это надежней, с учётом усталости. С легкими рюкзаками быстро вешаем 14 верёвок прямо вниз, до начала осыпного кулуара, который приметили еще на подъеме. Андрей с Иваном спускаются последними, использую систему самосброса веревки. По мелкой осыпи довольно быстро спустились на ледник, где нас и настигла ночь. При свете фонарей по своим следам спустились к палаткам. Шли связками, Стас искал трещины, которых неожиданно много обнаружилось. Слава богу, никто не свалился. Перед самым лагерем угодили в ледниковое болото (откуда оно взялось?).

Вечером поели на остатках бензина (в заброску оставили много, а на эти два дня толком не посчитали), и спать.

Неудобство – мокрые ботинки. Остальное вроде бы всё хорошо. Даже то, что нет сахара в этом шестидневном завершённом кольце, не удручает. Как говорит Ванёк: главное – чемпионат России.

На небе звёзд не счесть, слишком много для небольшого меня. Россыпи, реально. Некоторые мерцали, некоторые падали. Я загадал желание, но мне ничего не упало. В принципе, они валились и до, а желание у меня на этот и предыдущие моменты было одно.

Итак, все организационные вопросы решены, можно стартовать на основную часть маршрута.

Утро не было таки радостным, как вчерашний вечер, когда ребята были возбуждены и еще долго обсуждали, как они делали заброску на 2Б! Сказался штурм первого

сложного перевала. По имеющимся описаниям раньше он был проще. Впрочем, у нас еще не закончилась акклиматизация.

Ждём Ванька и Митьку – у них мозоли, и они пластыризуют на полпути ноги. Тем не менее, за две ходки вышли к месту лагеря под перевалом Скачкова, где сделали обед, наблюдая за склоном. Сегодня задача: нарисовать план восхождения и провесить нити веревок на завтра. Кстати, та, «что с плесенью» (ночью так кажется при свете светодиодного фонарика), перебита посередине ☹.

Склон вёл себя тихо, хотя внизу виднелись следы от камней. «Пробка», по сравнению с 1991 и 1995 годами, стала гораздо меньше и была не такая страшная. Но зато появился еще один бергшрунд, которых в общей сложности стало три! Все понимали, что, решив проблему нижней трети, решается проблема подъема на перевал. Перед тем, как идти на обработку, собрались и выяснили, что и как, кто чего думает по поводу... Оказалось, что думают все, много и... не в пользу перевала. У Дмитрия возникли проблемы с ногами – мозоли и намины от пластиковых ботинок «Asolo», Сергей вообще чувствует себя плохо. Сложное и протяженное первопрохождение, с учётом названных проблем может стать точкой преткновения. Предложение по поводу дневки отклонили, побоялись не успеть к назначенному сроку в Ворух. В итоге решаем воспользоваться запасным вариантом и выходить на ледник Скачкова через перевал ОПТЭ.

С грустью покидаем место ночевки и начинаем подъем на ригель и далее под снежно-ледовый склон перевала ОПТЭ, что в переводе означает «Общество пролетарского туризма и экскурсий». Мне знаком этот перевал по 1991 году. По сравнению с перевалом Скачкова, ОПТЭ – детский сад. Если протяженность склона на перевале ОПТЭ не превышает 200 метров, то на перевале Скачкова нас ждала настоящая стена в 16-18 веревок, т.е. где-то около 600-700 метров! Но сейчас об этом лучше не думать. Позорное бегство – не пошли на красивейший перевал. Испугались? Наши голоса... наши голоса...

Подходим прямо под взлёт и начинаем подниматься. ОПТЭ, тоже ЗА, но уже хожёный. Довольно высокая градусность, Ванька лидировал от и до, и вроде бы даже был один срыв (я находился за выступом и слышал только крик). Андрюха снимал видео, я делал фотки. Устали руки: мало того, что жюмарил по ледяной вертикалке, так и рюкзак Ванька приходилось поднимать (он шёл без рюкзака).

Решили всё делать «с полной выкладкой», как говорят в армии. Аккуратно, но довольно медленно проползли через подгорную трещину, и вышли на склон. То, что склон крутой, для меня не новость, а ребятам пришлось покряхтеть. Как и предполагали, повесили четыре верёвки, правда, кое-что в тактике пришлось изменить. Ледовый склон, что блестел в верхней части, оказался скальным. Просто сверху его покрывал тонкий слой льда. А поскольку для преодоления скал у лидера ничего не было, ему пришлось уйти правее. Здесь нас поджидали две хорошие скальные и две ледовые стенки. Я успел поснимать выход ребят на перевал – очень эффектные фото! Почти все веревки провесил Иван, которому доставляет удовольствие преодолевать сложный горный рельеф.

Влезли, турик, группа из Оренбурга, была в 97 году, пятёрка, но в противоположном направлении. Сняли несколько петель и закладку. На перевале ветряк. А поскольку седловина представляет собой огромное плато (истоки ледника Скачкова), то ветру есть, где разгуляться! Поэтому долго не засиживаемся, а убегаем вниз по ров-

ному леднику под взлёт будущего перевала Драконоборцев (тьфу, Землепашцев... Землепроходимцев!). Нашли большую мульду (воронка в леднике), спустившись в которую, поставили палатки. Воду брали из близлежащей трещины.

Из мульды ничего не видно, кроме склона нашего перевала. Он над нами возвышается складками льда. Перевал еще никто не ходил. Расположен в южном плече пика Землепроходцев и подъем на него представляет собой протяженный снежно-ледовый склон, растерзанный трещинами и разрывами льда, как лицо старого человека морщинами. Но подъем вполне реальный. Успокоенные увиденным, ужинаем. В сложных походах порой обед от ужина разделяет очень малое количество времени, а сегодня обеда не было вовсе, поэтому радости было много! А перед ужином традиционное сало с луком, чесноком и соусом «Балтимор»!

Какой все-таки контрастный мир в высокогорье! Пока поднимались на перевал – солнце яростно светило, будто хотело нас поджарить. На перевале ветер продувал насквозь, будто хотел опустошить изнутри. Спрятаться негде и было, мягко говоря, прохладно. А сейчас сидим в палатке, тепло, звучит гитара...

Поскольку закончили день сегодня рановато, то немножко посидели в палатке и попели песни. Правда, особого настроения не было, но, может быть, именно потому и хотелось собраться и высказать через песни о том, что наболело. Было немножко жаль, что не прошли новый перевал...

Руки от примусов в какой-то дряни, и мне кажется, что этот запах уже везде. Утром, когда я дежурил, он точно был в чае (его опознали все). Уже холодновато. Солнце зашло, но долго освещалась одна гора, обращенная к его лучам. Золотая и белая одновременно.

Завтра будет перевальный экватор. Как у студентов ☺. Пройдем ледопадик, под которым стоим, и сходим на гору. После останутся: Хергиани (радиально, забрать заброску), Нансена (3А-3Б), Абалакова (3А), Аксу-Рама (1Б).

Серый залезает, что-то тащит с собой. Андрюха: пузырек шахида. Ванёк и я: яд, чтобы выпить и умереть. И не пахнуть. Вот такая вот пакость.

Все сидят в нашей палатке. Тесновато. И еще предлагали в ней ночевать шестерым!!! Нет!

Холодное утро с тем же яростным и холодным ветром. Связками поднимаемся под лавинный конус, кромкой которого забираемся на его верх. Используя ледовые крючья, поднимаемся на ступень ледника и далее на наклонное плато, чтобы выйти на вторую ступень Саше пришлось подниматься со страховкой по косой ледяной полке. Остальные поднимались по закрепленным перилам.

Дальнейший путь в связках мимо бездонных разрывов, оскаленных сосульками. После второй ступени уходим вправо по ходу и диагонально выходим на плато под перевальной седловиной. Здесь увидели трещину, которая вела не вертикально вниз, как это обычно бывает, а по горизонтали, внутрь склона. Вход в этот ледяной грот охранялся гигантскими сосульками, свисающими с потолка и... растущими снизу! У Стаса был даже один из вариантов названия перевала – Ледяной Грот, или как-то так. А, вообще, конкурс продолжается. Вот только в голову ничего не приходит ☹.

Еще немного по крутому снежному склону и буквально вываливаемся на перевал. Седловина очень широкая, снежная. В южной части на восток свисают мощные карнизы. К сожалению, на седловине все тот же штормовой ветер, поэтому спускаем-

ся обратно под перевал, где и организуем бивак, спрятавшись за наддувами. Это первый бивак (в этом походе) на высоте выше пяти тысяч метров. Но народ вполне сносно живёт и общается. Сходили на седловину, нашли воду. Здесь же сложили турик – первопроход же! Турик получился забавным. Если на него смотреть с определенного угла, видна стена горного хребта напротив и гора, очертаниями похожая на турик. Посмотрели и развели пути спуска и подъема на вершину, вытоптали на снегу слово «Ульяновск». Короче, от девственного снега не осталось и следа...

Стас чинит примусы. Чёрная, но бесценная работа ☺. У меня немного отмылись руки от копоты примуса, всё оттого, что перчатки все время в снегу и мокрые, и трутся о пальцы. Народ ест цитрамон и пектусин (от горла).

У Димки нос похож на нос диковинного животного – чешуи от ожога под солнцем. Почему-то ассоциации с романами дяди Васи Головачева.

Идея: рассказать про восхождение на перевал от лица бабки Лукерьи. Была идея сделать указатель на перевале – слева Тянь-Шань, справа Памир (причем сейчас Памир виден как тонкий флёр), но из-за отсутствия доски все отменилось.

Вечером был красивый закат! А вообще мне нравятся высокие биваки. Виды и краски просто потрясающие!

Утро встречает туманом и облачностью, а пока собираемся, налетает ветер со снегом. Но все же выходим, преодолеваем снежно-ледовый склон, затем пологий скальный взлёт и в половине десятого поднимаемся на вершину пика Землепроходцев (высота 5 409 метров)! На северо-восток уходит гребень, который в тумане еле различим. Прямо под нами (на север) – пятачок вершины обрывается стеной! Но разглядывать и наслаждаться видами не дают ветер и облачность. Причем ветер скорее похож на шторм, потому что не дает выпрямиться во весь рост, чуть не унес рюкзак, сечет снегом лица... Быстренько складываем тур, пишем записку, фотографируемся и уходим по пути спуска в лагерь, беспокоясь, как бы не унесло рюкзаки.

Спуск с перевала Землепроходцев оказался не таким простым, как показалось в начале. Снежный склон, зажатый слева небольшим контрфорсом, справа – скальным склоном очень протяженный (метров 500-600), достаточно крутой (веревки не вешали, но приходилось делать качественные ступени). В нижней трети правая часть снежного склона оказалась камнеопасной, поэтому ушли в центр и далее на пологую часть ледника.

По леднику сбежали до створа, обошли разрывы, сместились к левому борту цирка и вдоль снежно-ледового гребня (характерный ориентир при подъеме!) вываливаемся на ледник Толстова. Ура! Перевал пройден! Это уже пятый перевал в Матчинском горном узле, пройденный ульяновцами!

После небольшого отдыха пересекли ледник Толстова к правому борту, и подошли под основание ледопада Нансена, ведущего на перевал с таким же названием. Этот сложный перевал пройден всего один раз группой туристов из Белоруссии. Они ледопад обошли по скалам справа по ходу. Это был сложный и опасный путь, который они оценили высшей категорией сложности – ЗБ! Мы хотим пройти сам ледопад. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять – это вполне реально, хотя и трудновато. Следует сказать, что по сравнению с прошлыми годами ледопад выглядел проще (мы ещё не знали, каким стал остальной подъём и спуск). Ставим палатки, для кухни вырыли небольшую снежную пещерку, накрыв ее полиэтиленом – теперь де-

журному ветер нипочём! Воду нашли под ледопадом (чтобы не растапливать снег). Погода портиться, накрапывает дождь с мокрым снегом

13 августа.

Утром, поглядывая на ледопад Нансена, уходим впятером, оставив Серого на хозяйстве, за заброской продуктов на перевал Михаила Хергиани. Из снаряжения взяли только самое необходимое. Подошли под ступень ледника, лавируя между огромными разломами и сераками (ледяные башни) поднялись в цирк перевала. Траверсом поднялись под перевальный взлёт.

На самом деле Ванёк и Стас только накануне после продолжительных обсуждений пришли к взаимному выводу, где он находится, этот перевал Хергиани, и как на него выйти с этой стороны. Вышли все же с первого раза.

Было понятно, что подняться будет не просто. Осыпь поднималась только до половины взлета, дальше шел снежно-ледовый склон. По скально-осыпным участкам, закладывая серпантины, поднимаемся на две трети склона. Дальше часть группы пошла вдоль скал по краю снежно-ледового склона, другая часть одела кошки и поднималась по правому по ходу краю снежно-ледового склона, где был довольно ярко выраженный гребешок, удобный для движения. Вторые вышли на седловину чуть раньше, но в принципе пути почти равнозначные.

Заброска вытаяла из снега, но была цела. Разобрали её по рюкзакам, выпили чаю и начали спуск. По пути подъема спустились до начала осыпи и по ней съехали до ледника, откуда связались по рации с Сергеем, чтобы начинал готовить обед. По своим следам быстро спустились в лагерь к приготовленному обеду.

Пока спускались, раз пять упал на камнях – сыпуга на льду-то ещё мороженая...

Шли назад, обнаружили трещины, и скорость по сравнению с «туда» упала раза в полтора. А Ванька вчера хотел идти вечером, и с учётом того, за сколько прошли, попали бы на «ночные бдения». И погода позавчера была не очень – дождь со снегом. Некоторые товарищи в шоке – дождь на 4000 метров! А вроде бы должен быть только снег. Матча...

Полез в зубе ковыряться, губу порвал. Вчера после обеда с Ваньком повесили две веревки до 3-й ступени ледопада. Он лез, я страховал.

Послеобеденное время посвятили ремонту палатки (сломалась стойка, сделали!), наблюдению, разведке и обработке ледопада. По имевшейся традиции Иван и Александр нарисовали рисунок, по которому определились с основными ориентирами и наметили тактику подъёма. И только после этого разведка вышла на обработку.

Ледник Нансена стекал прямо с седловины перевала и перед тем, как вывалиться из скального створа поворачивал на юго-восток. С этого места ледник круто обрывался к леднику Толстова четырьмя ступенями, высотой около 80-140 метров каждая. Первую ступень можно было обойти слева по ходу, но при этом часть пути проходила по опасному участку под правой кромкой (возможно падение льда!). Поэтому выбрали комбинированный вариант: пересекли нижнюю ступень от левого борта к правому с выходом наверх ступени, уже миновав опасный участок.

Прохождение второй ступени было неоднозначным – по центру стены. Третья ступень оказалась самой сложной. В бинокль было видно, что есть вариант прохождения «ногами» - вдоль левой кромки ледопада. По началу этот вариант был основным, хотя и представлял собой опасность в виде нависающих сераков и очень ажурной ледяной кромки. Был и второй вариант: по центру стены, но стена была достаточно крута и

потребовала бы отдельной транспортировки рюкзаков, а возможно и с использованием для подъема участников системы полиспафта.

Выход с «крыши» третьей ступени на четвертую не представлял собой большого труда. Даже без бинокля был виден снежный конус через бергшрунд – путь крутовой, но зато безопасный.

Разведка поднялась на вторую ступень, провесив веревки, и осмотрев вблизи стену и левую кромку третьей ступени. Связавшись по радию, я попросил осмотреть еще некоторые места, и дал добро на спуск, время уже поджимало. Но было понятно, что пройти ледопад реально и осталось только все это выполнить фактически, но это будет уже завтра.

Пока ребята спускались, с левой кромки четвертой ступени произошел ледовый обвал (по скальному склону, где поднимались первопроходцы). В последствии именно это повлияло на выбор не очень удобного и сложного варианта подъема на третью ступень.

Сегодня с утра Андрюха, наш лучший дежурный, разбудил где-то в половине пятого, и без десяти минут семь отчалили.

С утра выходил, а ботинки кто-то (может быть и я) по-глупому выставил наружу. Смерзлись, как колодки стали. Попытался отбить их молотком, куда там! Как вода, вмерзшая в ткань. Так и пришлось мерзнуть, идти в деревянных колодках, пока солнце не отбilo их само ☺.

Всю первую ступень обошли ногами. Две крутые веревки для подъема на вторую ступень потребовали огромного количества физической силы, а в верхней части еще и отдельной транспортировки рюкзаков. На «крыше» второй ступени еще раз провели разведку. Левая кромка оказалась очень опасной, хотя путь читался, и вполне вероятно, что можно было подняться «пешком». Центр был очень сложен, хотя обманчиво манил косою полкой и «удобным бергом» под верхней частью склона. Отправили разведку на правую кромку, где нашли приемлемый путь, и поднялись наверх третьей ступени. Но подходы и подъем оказались с рюкзаком тоже не легкими. Поэтому решено было подниматься по центру. Поднявшиеся участники сбросили сверху веревку на указанное нами место. Первый участник попытался подняться с рюкзаком, но благого разумно от этого отказался. «Удобный бергшрунд» оказался очень неудобным! Поэтому решили не искушать судьбу и поднимались при помощи системы полиспафта. После этого процесс заработал активнее: поднимаем человека (большой блок), поднимаем рюкзак, человек уходит. При такой челночной работе на преодоление стены третьей ступени и подъем на плато ушло два с половиной часа. Жалею только об одном: не удалось поснимать интересные и красивые кадры работы на стене!

Вся «крыша» третьей ступени рассечена огромным разломом. Закладываем большую дугу, чтобы выйти к стыку «крыши» и стены четвертой ступени. Около тридцати метров хорошего крутяка и еще метров двадцать снежно-ледового склона в виде вертикальной гребенки (!) и выходим на «крышу» четвертой ступени или другими словами на ледник Нансена выше ледопада. Ледопад пройден! И вот, после пяти часов жюмаривания, вытаскивания себя на самовылазе и прочем (весь набор), балдеем до после обеда, спрятавшись, на всякий случай, за ледовую глыбу. Это расслабление чуть позже выйдет нам боком.

Внизу ледник, а в нем проталины. Реки с водой. Синяя кровь на белом теле. Солнце жарит всю. За хребтом всплывал облачный одуванчик, но вот он распус-

тился, стал больше. Словно крадётся вдаль от остальной толпы своих родственников, которые несутся вскачь, скрывая Памир.

Очередная проблема с примусами. Ни хрена не горят нормально. Газ же нельзя возить поездом, как это мне популярно объяснили в справочной службе РЖД.

Обманчиво близкий склон перевала оказался не так уж близко. Начав движение около трёх часов дня, только к шести часам вечера подошли к перевальному взлёту. Поднимались медленно, потому что ледник довольно динамично сползал по скальному створу. Было много крутых участков, разломов, трещин, порой приходилось проходить участки со страховкой.

Перевальный взлёт решили провесить без рюкзаков. По центру пройти было нельзя, так как весь путь преграждала «губа» - стена огромного бергшрунда, за которым был еще более колоссальный провал! У левого борта был ровный, хоть и крутой, ледовый склон, но очень опасный (это было заметно по камням на склоне). Поэтому выбрали путь вдоль правого борта, где была возможность спрятаться от падающих камней в трещины, бергшрунды или под скальные стены. Но ничего этого не понадобилось, т.к. склон уже ушел в тень, и камнепадов не наблюдалось.

После подъема вверх и вправо под скальную стену, было повешено еще три веревки вдоль скал по снежно-ледовому склону с несколькими круглыми стенками. К этому времени стемнело окончательно и лидеру (был без рюкзака) пришлось ждать пока кто-нибудь не придет с фонарём. Только после этого было обнаружено, что последняя станция находится выше седловины! Двадцатиметровый траверс и группа на седловине перевала Нансена! Полдела сделано. Последние участники поднялись на перевал к десяти часам. Веревки оставили на склоне. Теперь ужин и заслуженный отдых. Огорчает одно: куда-то пропала одна дуга от палатки. Кое-как растянув тент, улеглись. Только бы ветра не было ночью...

Командир варит ужин, остальные вокруг него смиренно ждут. Я же только хочу пить. Горячий чай спас бы меня ☺. Разлил товарищам по колпачку спирта профилактики для. Сам не стал, не стал и Стас.

Сижу, закутавшись в спальник. Серёга мне завидует – все эти спарки фуфло по сравнению с личной походной кроватью. Да, все же это не ЗА, а ЗБ. После ЗА шея, спина и голова не так устают ☺...

Я дежурный. Семь часов утра, а уже жарко! Раскопегарил примусы, запустил продукты. Вдруг слышу какой-то шорох, и в туже минуту в палатку врывается камень размером с кулак! Проследив за траекторией полета, понимаю, что камень прилетел с левого склона, и что ледяной гребень, который над нами, от них не спасает!.. На всякий случай сделал из рюкзаков своеобразный бруствер, чтобы случайные камни не попали в примусы (пролетел рядом!). Утром показал свежееиспеченный «метеорит» ребятам, но, мне кажется, никто не поверил ☹.

На улице солнечно плюс лёгкий ветерок. Лучше нет, чтобы высушить те мокрые вещи, которые лежат в рюкзаке.

Андрей пришёл, сказал, что тура нет, но есть «озеро» – ручеек подо льдом.

Передо мной великолепная горная панорама. На первом плане горы, на втором плане тоже, на всех планах только горы. Во всех ролях они! А народу снятся красочные сны. Всё из-за впечатлений, которыми богат день.

У меня сохнут губы, и, наверно, скоро стогрят ☹.

Горы: фантомные горы. Как боли при несуществующей после операции руке; перевал, в который надо спускаться. А еще здесь надо сидеть лицом к склону – прилетают с горы камни.

Голова какая-то тупая. Высота, что ли, влияет. Иногда возникает желание сигануть с обрыва («Разбежавшись, прыгну со скалы»), но разум в очередной раз одерживает победу над эмоциями. Разум не когда-нибудь победит, а конкретно сейчас он побеждает.

Сон бабки Лукерьи:

«Будто идёт она по хрустящему как сухари снегу, на ногах зачем-то большие старые кожаные ВЦСПСовские ботинки, насквозь мокрые, на ботинках – железные штуки, называемые кошками...». Туг сон бабки Лукерьи прерывается, она открывает глаза и долго смотрит в потолок, нависший над широкой пуховой кроватью. Рядом, уткнувшись носом в бок, спокойно похрапывает кошка Чернуха. «Бабка Лукерья одета в сбрую поверх неизменного сарафана, состоящую из части, одетой на бедра и пояс, и части, накинутой как бюстгальтер...»

Вчерашние оставленные на подъёме из-за темноты последние веревки сняли.

Станция – это не поездная остановка.

Какая-то апатия. А впереди только Абалакова (3А) и Аксу-Рама (1Б). Да, и ещё с этого сойти.

Нас нашли облака, и похолодало.

И все-таки интересно, одноразовый это перевал, или как? Пройдет ли кто его на следующий год, или только в следующем веке какой-нибудь альпинист-интроверт вскарабкается посмотреть, какой чудак пролез его в прошлом веке?

После завтрака сняли веревки, попытались найти дугу, но тщетно. Видимо в темноте она ускользнула в ниже расположенную трещину (тот самый колоссальный разлом). Осмотр трещины положительных результатов не дал.

Пока ребята снимали веревки, «прогулялся» по седловине. В западной части есть небольшое озеро. Тура не нашли, сложили свой на выступающей в озеро скале. Увидеть спуск не удалось, из-за высокого и крутого ледового гребня. Но после того как собрались и одели кошки, поднялись таки на гребень и увидели спуск...

По описанию первопроходцев они спустились на ледник Фарахноу пешком, прокладывая себе глубокую траншею в снегу. Но у нас традиция: традиционными путями не ходим! Да и негде здесь «пахать в глубоком снегу»: снега просто нет! Немного сбрасываем высоту и там, где склон плавно уходит из-под ног, начинаем вешать веревки. Четырех веревок хватило, чтобы спуститься на менее крутую часть ледника. По леднику сбежали к скально-осыпному острову, обошли его справа и, перепрыгнув пару трещин, ступили на тело ледника Фарахноу. Всё, перевал пройден! Ура!

Картина пасторальная: снег идёт, народ отдыхает, живописно разбросавшись. Стас сказал, что нас можно даже поздравить: находимся в месте, где бывают только пятёрки и шестёрки. И это место – ледник, разломанный местами на куски.

Давно мечтал побывать на леднике Фарахноу. Почему? Да потому, что в верховьях этого ледника до сегодняшнего дня было не так уж много групп. Дело в том, что войти или выйти отсюда можно было только через два перевала: Евгения Абалакова (3А) и Фарахноу (3Б). Другими словами, район для хорошо подготовленных, опытных групп. А их в этих местах бывает не много. На севере рассматриваем в разрывах облаков знаменитую Столовую Гору! И, конечно, вершину Минтеке, на которую хо-

тели сходить, но ЦМКК (центральная маршрутно-квалификационная комиссия) не дала нам такой возможности. С перевала Нансена пик Минтеке смотрелся огромным массивом, сейчас стал ближе и каким-то домашним...

Я спрятался как мышь в норе под полиэтиленом.

Блин, а до дома (точнее, праздного безделья) осталось всего два перевала. При чем один можно не принимать во внимание – легкий, и пролетит на раз. После перевала Абалакова на одном дыхании. Так что... А дальше – зелёнка в долине. Как я по ней соскучился! Когда можно спокойно идти, не напрягаясь, с легким рюкзаком, и не так как на Дунон... В общем, соскучился по скучной жизни ☺.

Периодически со скал сыпется, и хорошо, что это происходит там, где нас нет.

Бегим по леднику, высматривая воду. До нее бежали почти ходку. Поскольку погода испортилась, и начался снег, расположились под огромным плоским камнем, где уместилась вся кухня, дежурный и еще трое зевак, желающих пожить.

Во время и после обеда снег не прекращался. Все окружающее стало монохромным и каким-то нереальным. Упала видимость. Но самое плохое – трещины присыпало свежим снегом, и было трудно определять их наличие. Хорошо, что взяли телескопические палки – очень удобно зондировать снег.

Не успели отойти от места обеда, как вошли в большую зону трещин и разломов, где пришлось изрядно поплутать, прежде чем выбрались на снежно-ледовый увал, вдоль которого спустились к большому ручью. Поскольку начинались сумерки, а впереди была видна еще одна ступень ледника, решили встать. Ночевали возле «реки». С неба валил крупный снег (в горах надо уточнять, откуда идет снег, он может валиться и со скал). Но ветра почти не было. Я сделал тент из полиэтилена, и под полиэтиленом было удобно варить. Сварил ужин уже ночью (темнеет здесь всё так же в восемь вечера). Наблюдали красивый закат. Облака были подсвечены как бы изнутри, очень тонкие оттенки розоватого цвета... Ребята играют в снежки, лепят из снега столы, стульчики и лавочки. А вокруг красивые и недоступные горы! Меня всегда влекли места, куда трудно добраться, трудно попасть. Помаленьку таких мест становится меньше, но появляются новые...

Тетрадь то ли слиплась, то ли смерзлась. Температура в минус.

А вчера не было луны. И тост Андрюхи, который они с его товарищем Радиком говорят неизменно в память одного из своих походов, когда они попали с Сапрыкиным на ночь, но шли под луной как днём, здесь не работает. Луны нет, есть только три звезды. Хотя можно не за луну выпить, а за звёзды.

Кстати, Стас говорит, что на Абалакова ходили люди и без веревок. Ну-ну...

Стас уснул. Снег закончился.

14 августа.

Сегодня рождение Лидуси.

Утром подорвался к пяти, сварил к шести. Получилось хорошо – всё, что надо, разварилось, чай был заварен.

Морозное утро не вызывает желания покинуть теплый спальный мешок. Снег подмёрз и хрустит под ногами. Со вчерашнего вечера у всех на устах перевал Нансена. Для многих он оказался очень сложным. Я так не считаю, но моя точка зрения не в счёт. Она всегда отличается от большинства. Что-то было проще, что-то было слож-

нее, если сравнивать с вариантом первопроходцев. Вполне вероятно, что перевал Нансена будет самым сложным перевалом всего маршрута.

Снова вошли в зону разломов и очень долго не могли из нее выбраться! Только к обеду спустились к устью ледника Абалакова. Честно говоря, я несколько устал от психологического напряжения, когда постоянно ждешь отсутствия опоры под острием палок. А еще снег. Все вокруг ярко белое, слепящее, режущее глаза. В этой ярости света трудно даже смотреть, не то, что высматривать трещины. Глаза устали и начали слезиться...

Обошли устье ледника слева по ходу и стали подниматься вдоль нижнего ледопада и склона отрога, что рассекает ледник Абалакова на две ветви. Довольно крутой и протяженный снежно-ледовый склон вывел нас к скальному поясу. По описаниям почти все здесь вешали перила, но мы не усмотрели ничего сложного. Сместившись почти к самому отрогу, без труда вылезли по скальным полкам на небольшую площадку, где около ручья устроились на обед. Поскольку весь поход у нас наблюдается дефицит воды, то ручей явно похудел, потому что к нему то и дело ходили участники, чтобы взять или запасть очередную порцией. Пока обедали, из-за перевала пришел мощный грозовой фронт, загрел басами и стал сыпать на нас крупу. Половину обеда провели под накидками.

Снова утомительный подъём по снежному склону, закладывая серпантин, делая ступени, пока не вышли на снежный бугор. По началу молодёжь стала уходить траверсом вдоль отрожка, но позже всё же ушли вниз на центр ледника, где вполне безопасно подошли под следующую (последнюю) ступень ледника, огромным бугром заслонившую перевал. Понимая, что подняться в этот день на перевал не успеваем, готовим площадку на пологой террасе между волнами ледника. Сейчас сидим на ночлеге «на балде», как выражается Стас. Под нами – сизо-серая река льда, над нами – метрах в ...стах – перевал.

Опять делали места для палаток на наклонном склоне, выравнивали. Долбили ледорубами снег и лёд. Гномья работа. Человек, спрашивавший в поезде, а не клады ли мы едем искать, стопроцентно бы уверился в своём предположении и в своей интуиции. И ошибся бы ☺. Самое обидное – копаем, копаем, а завтра уйдём. Стоянка одно-разовая.

Очень хочется помыться.

Напротив такие же ледники, как и у нас. А если немного воображения, то можно представить и похожих на нас, стоящих на тех ледниках, если у них есть немного воображения...

Стас сделал творог «Гала-гала». Говорит, удался (я еще не пробовал☺).

- Сладкий будем или солёный?
- Сладкий!

С картошкой от этой же фирмы пролетели – отстойная партия, которая в воде становится молоком с взвесью. Я остался без ужина с этой картошкой, хотя все остальные вроде бы съели-выпили.

Самые красивые, кроме гор, конечно, огромные ледопады с их трещинами (каждый день появляются новые, как на руках у Стаса, затягиваются старые, движуха). Высотой с многоэтажки, с дном, не видимым невооруженным глазом, с переходами на уровне средних этажей, ротондами, балконами (что-то я по архитектуре). Или вот: белое, с искристым серым, как печальные сомнения, с тоскливым ожиданием очередной подвижки...

Воду брали у скал левого борта (набирать пришлось из тоненького ручейка, текущего по скалам, очень долго).

Дежурный устроил настоящий праздник живота: сало, соус, лук, чеснок, чуть позже молочная лапша с... маринованными шампиньонами (эту баночку Ваня, мой сын, нёс для праздничного ужина на мой день рождения, но вот решили пустить в ход пораньше). После такого ужина долго сидели в палатке и пели хорошие и добрые песни...

Не хочется загадывать, но хорошо бы завтра встретиться с группой Петра Рыкалова, которые тусят в этом же районе. Все были бы за, но сведет ли нас?

Все-таки прогресс, он необратим. Светодиодные фонарики, батареек в которых хватит на месяц, вместо парафиновых свечей, от дыхания которых загорались раньше люди и палатки. Хотя, как говорит Стас, душевно было. Не поспоришь.

Одна из самых удивительных вещей для меня – это то, что тащим в поход гитару. В пятёрку, и достаточно мощную, и щипковый музыкальный инструмент! Удивительно! Уступка эмоциональной составляющей ☺

Грею ноги в спальнике, наполовину в него залез. Ундин, блин. Только хвостом осталось постучать по воде ☺.

Памиро-Алай – по-миру, а лаю...

Делая плавную дугу, обходим снежный бугор вдоль правого борта. Потом наоборот уходим к левому борту и вдоль скал поднимаемся к короткому перевальному взлёту и, так и не повесив ни одной верёвки, выходим на седловину перевала Евгения Абалакова! Это последний, сложный перевал маршрута.

Фотографируемся, изучаем седловину, двое ребят сходили на вершинку, что возилась в небо с южной стороны. Было заметно, что все несколько расслабились. Но пора вниз. Короткий крутой участок вывел к бергштрунду, который без труда перепрыгнули. Далее по ровному леднику до начала крутой части. Здесь мнения разделились: одни предлагали спускаться по традиционному пути – по кулуару и уже начали, но открытый камнепадоопасный лёд вперемежку с камнями заставил изменить решение и уйти на левый вариант. Он расположен ближе к седловине и проходит восточнее пояса скал, расположенных в ледовом сбросе. Но сразу спуститься не удалось. Первая веревка вывела лидера на скальный сброс, и ему пришлось снова подниматься к нам: очень круто и камнеопасно. Сместились еще восточнее, но солнце как раз освещало склон южнее седловины, и камни летели, как курьерские поезда. Решаем победать. Надежда на очередной фронт, который приближался с запада. И эта затея удалась, хотя и не в полной мере.

Пока обедали, фронт пришёл, и посыпалась крупа. Стало темно, словно наступил вечер. Повесили три верёвки и спустились на пологую часть ледника. Камни летели, но гораздо реже. Спуск вдоль первых двух веревок был безопасный, третья веревка выводила на склон, где вероятность падения камней была достаточно высока. Выставили наблюдателя. Пока ребята сбрасывали верёвки, разведали путь спуска дальше. По бугристому льду, траверсом до пологого участка, но он оказался очень опасным: над ним висел осыпной пояс, с которого почти каждые 20-30 секунд сползали и начинали лететь камни. Вернулись чуть назад, но здесь было явно круче. Пришлось сделать новую станцию и закрепить веревку. Выставив наблюдателя на точке страховке, постепенно отправляли ребят вниз, внимательно изучая подвижную осьль выше по

склону. Пару раз камни сходили большой кучей, и по склону разносился крик: «Камни!».

Но всё обошлось. Спустились вниз, хотя поволноваться пришлось. По волнообразному леднику спустились к зоне разломов, без большого труда её преодолели и спустились на тело ледника Рама ниже верхнего ледопада. Вечерело, но хотелось подойти как можно ближе к началу нижнего ледопада Рама, чтобы начать его прохождение завтра пораньше.

Ровный, с редкими трещинами ледник, вывел нас к началу ледопада. Узнали об этом по отсутствию перспективы впереди и по огромным разломам на леднике. Осыпные островки у левого борта для бивака не подошли – трещины. Пришлось пересекать ледник к правому борту. Здесь тоже ничего хорошего не нашли, а потому выложили площадки из огромных плоских плит, коих оказалось здесь великое множество. Но главное – рядом был ручей!

Отремонтировали в очередной раз сломанную дугу палатки.

Завтра у нас великий и ужасный Рама – ледопад. Его проходила только ульяновская группа Сапрыкина в далёком 1981 году, но только вверх. Больше информации по прохождению его нет, ни у нас в Улье, ни в Москве. Мы же его идём вниз. После этого будут только семечки (в смысле остальной нити маршрута☺).

Завтра подъем в 5 утра. «Последний ранний подъем, наверно», сказал Стас.

Солнце еще не появилось в ущелье, а мы уже были в пути. Я торопился. Как только солнце осветит ледопад, он «заговорит» - лёд начнет таять и возможно падение ледяных глыб. Спустились к левому борту и, преодолевая большие разломы, приблизились, а потом вышли к началу основного сброса. Зрелище потрясающее! Только что шёл по довольно пологому льду и вдруг отвесная стена метров 70-80! Дальше начинается настоящий ледяной хаос!..

Быстрый осмотр «достопримечательностей» и начинаем спуск.

От крайней башни по ледовой стене вниз, но верёвки не хватает и станцию приходится делать на стене. Вторая веревка выводит на полку, хотя при этом приходится преодолевать трещину и участок разрушенного льда. С полки так заманчиво спуститься в кулуар, куда вываливается весь сброшенный лед, и по нему сбежать, но понимаю, что если вдруг что-нибудь вывалится, никто никому не добежит...

Поднимаюсь на ледовый гребень и... вижу путь. Начинаем короткую, но необходимую работу по переправе людей и грузов через ледовый гребень. Он не высок – метров 7 с одной стороны и метров 9 с другой, но крутой и скользкий. Сделать удастся всё быстро, но зато долго ждём ребят – Андрея и Ваню, у них не заладилось с продёргиванием верёвок. А солнце уже подбирается к верхушке башни...

Но вот все внизу, а вскоре и на правой стороне гребня. Уже разведан путь дальше. Ближайший участок опасен – над ним висят ледяные башни. Предупреждаю о командах, о быстроте действий, чтобы никто нигде не задерживался, громко не разговаривал без надобности. Быстро преодолеваем участок, над которым висят многие тонны льда, и убегаем на полку под защиту очередной стены. Здесь опять вход идут крючья, карабины, веревки, спусковые устройства...

Веревка, вторая. Полка. Очередной пробег. Очередная полка. Солнце пришло! Снова веревки, крючья, карабины, тормозные устройства... Заметно, что ровное тело ледника гораздо ближе... Иногда оборачиваемся и охаем от увиденного!

- Смотри, мы были вон на той башне!..

А ноги несут прочь из этой коварной красоты, похожей на взгляд кобры. И вот уже последние, крутые участки и мы спускаемся на пологий ледник Рама. Впервые ледопад Рама пройден сверху вниз! Сбегаем немного ниже, снимаем кошки и бежим до озерца, которое приметили еще сверху. После одиннадцати дней на высоте более 4 000 метров здесь нам, кажется, очень жарко (около 3 500 м). Умываемся, стираемся. Приятно побултыхаться в настоящей воде, а не в растворенном льду... Все чаще слышны разговоры про Ташкент, про домашних, и, конечно, про еду, её изыски...

...Сидим после обеда в моренах, ниже ледопада Рама. Всю ночь виделись различные картинки: Бабка Лукерья, гордо подтянув связочную верёвку, вышагивает по снежнику к перевалу, за ней в связке идут полурослик шести лет по имени Ксанка и три лба...

Стас попросил стих про ледопад Рама. Может быть, может быть... Попытался, но на ум приходили только рифмы вроде «ледопад Рама – родовая травма».

А ледопад действительно хорош. Винтили буры, дюльферяли, бегали, делали самосброс на СВЛе, который не вывинтился, и пришлось подниматься наверх. И на всё ушло около четырёх часов. Ледопад похож на пену от шампанского, вырвавшуюся из бутылки. По мнению Стаса, в ледопадах проявляется вся «креативность» (моё слово), на которую способна природа. Максимум!

Ещё Рама похож на разрушенную крепость... Шипка там, или Севастополь. При нас упал один из кусков, и посыпался ручьём вниз. Еще ледопад похож с утра на морены. Белые камни снега с прочностью скалы, с которых соскакивают ледорубы и на которых скользят кошки. Вразнобой разбросанные под ноги, на них точно так же надо опираться, держать равновесие. Только нельзя кричать и громко разговаривать – одно слово может вызвать падение многотонных колоссов-столбов.

Народ после обеда спит (Ванёк и Стас), Митька моется (я жду Каравшина), Андрюха сидит как сумасшедший авиатор в своих черных выпуклых очках, и смотрит на меня, пишущего эту ересь, и Серёгу, собирающего рюкзак, и, немного погодя, который наверно тоже начнёт что-нибудь писать в своем блокноте.

Не торопимся. Наступила самая медленная часть похода. Идём когда, хочется, встаём, когда пожелаем.

Я проиграл Ваньку бутылку шампанского. Спорили, нужны ли будут на ледопаде ледобуры. Вместе и выпьем в Ташкенте или ещё где...

А горное солнце греет. Не ласкает, не гладит, а греет, нагревает, как два полудохлах «Огонька» наши котлы – скороварку и «чайник». Наверху белые облака, какие-то с проседью, с непогодой, которая может налететь и оставить после себя человека злым, мокрым, первобытным. Чуть ниже – снег на склонах гор, причём снег – собирательное название – это и сам снег, и лёд, и гремучая их смесь для хождения по ней в кошках на передних зубьях, упираясь в склон ледорубом, который в случае срыва вряд ли удержит. Ещё ниже – скалы на все вкусы, и бараньи лбы, порядком повыбитые дождем, снегом, ветром, ударами ледорубов – всеми природными катаклизмами, и осыпные, с которыми надо держать ухо востро – того и гляди на белой, белее снега и облаков, каске останется след от камня, направившегося в траншею-долину (сегодня Андрей с утра, пока ждали вечно последнего Митька, развлекался и грелся тем, что поднимал валуны и камешки с ледника и отправлял их в трещины), и приятные на вид, но острые как бритва, и тёплые, и холодные после захода солнца за хребет, и многие другие. Дальше, по вариации, идут либо морена, а морена – это

смесь льда и камня, вплавленного в лёд солнцем и предательски скользящего под ногой, либо зелёнка – что-то типа мха, который по странной причуде бабки Матчи растёт выше, чем на Кавказе. Далее – образованная (во всех смыслах житейских) река, которая указывает собой наш кривой путь вниз, этакая стрела, флюгер направления группы.

Лучше всего путешествовать в горах – это быть облаком. Облака, они либо падут как стадо трепетных испуганных животных, прынувших от любой опасности, либо, перебрасываемые ладонями ветра из одной реки неба в другую, хаотично плавают, цепляясь хвостами, рогами, тычинками за хребты и острые пики, обрезаая и плача. Я хотел бы быть вторым видом. Потому что путь первых – путь гостей, ведомых хозяевами по маршруту или движение с определенной целью, а путь вторых – приятное праздное гуляние и беседа со знакомыми и любимыми...

Утомительный путь по моренному чехлу ледника Рама привёл нас к устью ледника Преображенского. О том, что справа впадает ледник можно догадаться только по гигантской всхолмленной куче камней, которые ледники постепенно стаскивают в долину. С большим трудом выкладываем площадки в этом каменном хаосе, но главное – у нас есть вода! И сегодня на ужин чай со смородиновым листом и с ягодами шиповника! Мелочь, а приятно...

Будь я хозяином сотен и тысяч, эдаким местным баем (Стас рассказал про то, как одного бая привезли двенадцать жён поперек осла на источники-геотермы недалеко от Баткена, а обратно он ехал сам, посвистывая), то согнал бы всех своих рабов-крестьян, и повелел бы построить крепость на скале рядом с ледопадом Рама. Чтобы слышать, как падает с него лёд, смотреть вечерами в сторону долины Зеравшана, приглашать смельчаков, идущих на бой с ледником к себе выпить вина и согреться. Чтобы радоваться вечности и стать самими горами.

Андрей сидит с таким видом, будто и силы есть, и можно было бы их потратить, а некуда. Некуда бежать. Можно было бы пройти и перевал Скачкова, и перевал с вершиной Минтеке (который нам зарубила МКК в Москве, но который красивее, чем Абалакова), но уже следующим разом, позже. Можно, но зачем?

Удивительное ощущение безмятежной и бездарной траты времени.

Если бы облака могли стать твердыми, зависнув в небе... Я был бы среди первых, кто захотел бы их покорить. Застолбить. Удивиться. А пока – я сижу на дне этой реки и смотрю как рыба круглыми глазами вверх.

Хорошие здесь камни. В городе после суток нагрева асфальт остывает в пять минут, здесь даже самый маленький кусочек скалы помнит солнце даже после сильного холодного дождя. И фраза «попу отморозишь» к этим камням не относится.

По-моему, я немного отморозил пальцы большие на ногах. Спутники удивляются: «Как, одни носки, в мокрых ботинках, по снегу, по льду!!! Ты сумасшедший!» Я с ними согласен. Безалаберно отнёсся в очередной раз к подготовке мат части. А мат часть – это Матчи часть.

А ещё народ мечтает. И мечты здесь, в последней части похода, не о сверхизлишествах, не о несбыточном – о вкусной еде, тёплой постели, отдыхе, о том, как удобно быть дома. Просто, например, посидеть в кресле. Купить еды и сделать хороший ужин. Я, например, хочу рыбу в маринаде. Интересно, когда я буду дома, сделаю ли?

Моренный чехол, как выразился Стас, «стройка нулевого цикла». Хлам из битого камня. Сланцы. Говорят, в этих камнях должно быть олово, ведь не зря же здесь ходил Абалаков и его компания геологов.

Ночёвка близ устья ледника преображенского.

Опять строили место под палатку. Кроме справок за пятёрку нам надо давать еще и значок «Плитоукладчик-профессионал». И каждому!

Чуть ниже нас, километра на два по течению согнанных в одну реку ручьев, видна долина Зеравшан. Отсюда она кажется плоской, и, может быть, там не было бы стандартных проблем с установкой палаток. Хотя наверняка это лишь иллюзия... Ставили бы также на месте установки плиток.

Закат отгорел, и облака пошли какие-то белесые, вечерние. Чуть темнее неба, чуть светлее льда, который свешивается в виде висячих ледников по нашей завтрашной долине.

Димка поёт «Тутанхамона» Бутусова. Интересно, что в этой песне его? Правда, всегда одна?

Болят пальцы рук в заусенцах и порезах. Как ни пластыризуй их, как ни бинтуй.

Сахара и сухарей чуть. И это не может радовать. Утешает лишь то, что конец похода (чуть-чуть не написал «не за горами»), а это слишком буквально) близок.

Обычные фразы обычной жизни здесь принимают свой смысл:

Страховка (страхование от чего-либо в страховой компании) – возможная помощь другу посредством технических средств (веревка, репшнур). Здесь есть понятие «самостраховка», а у страховых компаний – нет.

На передних зубах – движение в кошках по склону, вбивая передние зубья кошек. А вы что подумали?

Бур – ледобур. Тяпка, мотыга – ледоруб...

Опять проблемы с примусом. Долго возились, но все-таки заставили его греть воду и варить еду. Потом долго сидели под огромным звёздным небом, с ярким Млечным Путём, по которому летело созвездие Лебедя. Таких звезд и такого Млечного Пути у нас никогда не увидишь. И песни пелись с удовольствием, и гитара звучала, как никогда! Чудесный, добрый вечер...

Всю ночь и утро нас тревожил грохотом висячий ледник над устьем ледника Преображенского. То и дело с него падал лёд и гремел так, будто началась артиллерийская атака. Утром были удивлены, что осыпная часть правого борта покрылась свежим льдом! Настоящий возрождённый ледник!

Опять камни да камни... Наша сторона ущелья вся каменисто-скальная, а противоположная – перемежается висячими ледниками. Этих ледников насчитали около восьми. Все они разорваны трещинами и представляют собой настоящие ледопады. Некоторые постоянно грохочут и падают вниз, образуя возрожденные ледники...

Времени уже далеко за полдень, а воды опять нигде нет. Делаем разведку и находим воду рядом со снежником, который спрятался от нас за нагромождением камней. Во время обеда наблюдаем за передвижением семьи горных баранов: самца, трёх детёнышей и трёх самок. Они легко траверсировали скальные склоны, посвистывая между собой.

Только к пяти часам вечера наконец-то выходим на ледник. Остальное время шли по каменным россыпям. Ущелье заметно расширилось. Преодолеваем каменный остров, поднимаемся к снежникам под главенствующей вершиной (пик Горняк) и у ручья, что журчит под камнями, встаём на бивак. Палатки ставим прямо на снег. Сверху увидели два ледниковых озера! Настроение хорошее. Завтра должны перевалить в долину реки Аксу. А там и до дома рукой подать...

Яркое, солнечное утро! Не торопимся. Времени у нас теперь, хоть отбавляй! По графику, с учетом реалий, должны выйти в кишлак Ворух 23-24 августа, а машина придет 26-го! Правда, впереди еще 90 км пути...

Продолжаем подниматься вдоль каменной россыпи, вытянутой вдоль снежников. Постепенно стали подниматься на ступень ледника, по пути обходя с правой стороны гладкие скалы – бараньи лбы. Подъем был не крутой и не сложный, нашлась удобная трещинка, диагонально выводящая почти на самый верх ступени. Ребята разбрелись по льду. Мне кажется, что каждый мысленно уже был далеко отсюда...

Пологий волнообразный ледник вывел нас к огромным мульдам в центральной части. Но больше всего нас поразила северная стена пика Горняк (5 017 м), главенствующей над ледником! Прямо от ледника возносилась вверх скальная стена, протяженностью более километра!

А мы потихоньку приближались к перевалу, но явно запаздывали. Несколько озадачивали кроки и очень пространные описания перевала, но особого значения этому никто не придал. Только к половине второго вышли на седловину и... поняли, что это не наш перевал! Чтобы это понять было достаточно выйти на скально-осыпную седловину, которая... обрывалась к леднику Аксу 800-метровой скальной стеной! Зато вид отсюда был потрясающий! Великолепный цирк со скальными седловинами и очень красивой вершиной Птица, большое количество зеленеющих на леднике озер. На западе, замыкая цирк ледника Аксу, снежно-ледовой громадой возносился в синее небо пик Пирамидальный – высшая точка Туркестанского хребта! Но больше всего поразили скальные исполины, стоящие у левого борта долины Аксу ниже ледника – пики 4810, 1000-летия Крещения Руси и Котина. Это альпинистская Мекка! Сюда приезжают альпинисты со всего мира, чтобы попытаться взойти на уникальные скальные стены! Когда я планировал маршрут, то переживал, что можем их не увидеть. И вот мечта сбылась!

Обедаем, охаем от увиденного и кумекаем, как нам добраться до «своего» перевала. Вновь спускаемся на волнообразный ледник и траверсом уходим в северную камеру ледника Преображенского. За две ходки вышли в цирк перевала и стали подниматься на ступень. Но ступень оказалась с сюрпризом! И поняли мы это, когда Саша вдруг неожиданно присел (а на самом деле провалился в трещину). Дмитрий тут же подбежал и помог товарищу выбраться. Все мечты сразу улетучились, пришлось сконцентрировать внимание на леднике. К счастью больше ничего подобного не случилось и почти в шесть вечера вышли на водораздельный хребет. И вновь нам открылся потрясающий вид на горы в вечернем освещении! Небольшая разведка на соседнюю седловину и... радостная новость! Записка в туре подписана руководителем московской группы из МАИ Петром Рыкаловым! С ним созванивались еще в Ульяновске, консультировались по району и вот весточка! Наши группы должны были встретиться на леднике Рама, но видимо не судьба. Кстати, людей мы не видели уже больше двух недель!

По снежному склону спускаемся на седловину перевала, где после небольших раздумий решаем заночевать. Последняя ночевка на такой высоте, красивый до безумия закат! Жаль, что я дежурный, есть, что поснимать... Пришлось разрываться между тем и другим. Последствия оказались неприятными, поранил руку об острый камень. Помощь оказали, и все было в порядке, вот только правая рука... Фотографировать и писать хронометраж будет не удобно. Ужинали на камушках и наслаждались удивительной панорамой гор! Чуть позже на небо высыпали звезды, и оно засверкало, словно усыпанное драгоценными камнями! Сидели долго, и совсем не хотелось идти в палатку...

Не сложный спуск с перевала Аксу-Рама привел на ледник Аксу. Правда, о леднике напоминали только круглые озера с ледяными берегами из зеленого льда, а так весь ледник завален толстым слоем разнокалиберных камней, которые закончились только, когда спустились с ледника. Путь чрезвычайно утомительный и напряженный. Но зато вновь увидели знаменитые эдельвейсы, а около языка ледника помимо ревущей и мутной реки Аксу, нашли ручей с чистой водой! Это ли не счастье!?

Обедаем, а представители крупнорогатого скота довольно навязчиво интересовались: кто мы такие, откуда, чем пахнем... Но мы уже помылись в ручейке, постирались, поспали и отдохнули. И вдруг увидели людей! Трое альпинистов из Словении шли совершать восхождение на вершину Птица. К сожалению, поговорить толком не удалось, они почти не говорят по-русски, а мы – по-английски. Но все-таки поняли, что ниже стоит целый лагерь, где живут немцы, англичане и словенцы. Теперь моих молодцов было не удержать, так им хотелось пообщаться с народом...

По хорошей тропе вдоль реки Аксу устремились к подножию скальных великанов. Но перед этим пришлось преодолеть два гигантских каменных завала, камни которых были размером с учебный класс, а цвет камней был красно-коричневым, что выделяло их от камней вообще и от травы в частности. Чуть позже прошли через настоящий лес из арчи, причем деревья были и очень маленькие (как уменьшенная копия настоящего дерева), так и очень большие! Но больше всего поражал запах – ни с чем не сравнимый, похожий на смесь терпкой хвои, бирюзового неба, и горного ветра...

На поляне, куда вскоре пришли, всюю готовились к отъезду. Англичане закончили свои восхождения и завтра уезжали в кишлак Азгарыш. Иван попытался поговорить с представителем их компании и, о чудо! – ему это удалось! Но когда после разговора Ваня сказал нам, что отказался от предлагаемой еды, ребята его не поняли, и еще долго про это вспоминали на протяжении последующих дней. Дело в том, что у многих уже закончились сахар, сухари, почти закончилась соль. Но это наши проблемы и решать мы их будем тоже сами.

Сегодня был очень хороший костёр, добрый и какой-то мечтательный! Место удивительное! По обеим сторонам реки стоят скальные исполины, по три с каждой стороны. Рядом арчевый лес, тихо шумит река и яркие, яркие звёзды! Костёр отражается в зрачках моих друзей и сквозь сполохи пламени заметна радость!

Летают всякие божьи твари типа ночных бабочек. Тепло. Даже без пуховика тепло ☺ ночью на улице. Дико непривычно. «Открываешь холодильник, а там ледопад Рама».

Всегда первыми появляются две звезды, даже тогда, у Скачкова, при взгляде на пик Скалистый, высшую точку района. Будто взбираются на эту гору. Мне говорили,

но только сейчас я осознал, что это связка. Звезда-лидер и звезда на страховке. С фонариками во лбу.

Рано утром наблюдали, как киргизы готовят к отправке караван лошадей. Иван накормил нас вкусным пловом, приготовленным на костре. Вышли поздно.

По тропе через удивительный горный лес, где вместе с арчём и можжевельником росли берёзы, клёны, рябины... После двух недель камней, скал, снега и льда, вся растительность воспринимается по-другому, с каким-то благоговейным трепетом. Тропа, по которой нас повел Сергей, увела высоко на отрог, но зато мы еще долго могли наблюдать слияние рек Аксу и Карасу, скальные стены красивых вершин!

Опять обрызгал себя пантенолом. Пенный и страшный. Может, хоть сегодня буду спать мёртвым сном? Шум от реки такой, будто ровно горит примус под чаем. Я совсем отвык от звуков реки, сопровождающих походы до второй-третьей категории сложности. Только ветер и скрип, звук ладошек его по палатке...

18 августа.

С утра Серёга встал, а в этот момент на висячем ледопаде, том, что ближе всего к нам, произошёл очередной обвал, и вниз ухнуло половина ледника! До нас дошёл в палатку лишь звук, но всё равно Стас вскочил, но, поняв, что мы далеко и недосыгаемы, снова лёг. Серый говорит, что было как в кино.

Не торопимся. Встали в семь, в восьмом, выйдем в десять, или позже. Тепло. Внизу Зеравшанский хребет, похожий на домик с куриными ногами – скалы как ноги, а голова домика сахарная. Сейчас вот выйдем, и вверх по долине километров семь. Форма одежды – праздная. Многие без анораков, в шортах. Греют тела.

До обеда опять же по тем же моренам, вдоль ледопадов. Обедаем у 3-4-5-6-ого, которые кучкуются рядом. Складывается впечатление, что это самый обычный для среднеазиатских гор рельеф – подъём по долине по моренному чехлу и просто камням. Справа по ходу движения голые без признака воды горы, слева – ледопады.

От отсутствия воды на нашей стороне, в горле сушь, пить не хочется, хочется просто смочить горло.

Твари летающие замучили. Шмель, облизывающий горлышко моей питьевой бутылки. Слепень, которого поймал на лету, и мушки всякие разные.

Умылся, и поймал себя на мысли, что делаю это в первый раз за две недели. Лицо быстро высохло, а в бороде вода еще долго остается.

Лёгкий ветерок с ледника освежает, но он не холодный, а приятный. Вода, текущая под камнями, приятно журчит, и сквозь камни можно до неё дотянуться, погладить подушечками пальцев. Камень теплый, по температуре именно то, что надо, греет спину.

19 августа.

Вчера-таки напоил элеутерококком Серёгу после обеда. Шёл лучше. Результат химии или самовнушение?

Видели козлов, которые видели нас, и поэтому обходили нас стороной. Один побольше, свистун, призывающий остальных, пятерых, поменьше. То ли жёны, то ли дети. Обползали нас по бараньим лбам ☺, камни роняли.

Вышли под ледник Преображенского, забивачили (забичевали☺) на снежнике.

Андрей достал коньяк, и отметили день рождения своего сына Витьки. Тепло сразу как-то стало.

Я ушёл спать пораньше, но слышал спор между Димкой и Стасом о коллективном и личном (Советский Союз и туризм, авторитарность и роль личности – всякие доли). Стас, почти не слушая немного корявые рассуждения Димка, нёс проповедь о том, что коллективное превалирует над личным. Муравейник. Муравьи. Мне всё же ближе личности. Они важнее. Даже в походе, даже в решении своих задач. Эпоха Возрождения.

По леднику разбросаны мультды-ямы. Будто амфитеатры, в которых, при желании, можно провести спектакль. Но желания спускаться и говорить слова пьесы по пояс в воде, нет. Скорее бы перевалить хребет и начать спуск в долину Каравшина. Солнце и ветер.

...Обед. Впёрлись. Влезли не в тот цирк, а здесь вместо перевалов сбросы метров по триста минимум. Сидим вот, греемся. Андрей варит, свесив ножки. На меня напал жор, и я съел полторы пачки пектусина, выпил аскорбиновую кислоту с водой (спасибо Димку с его сахарозаменительным «ичпоком»), только жор не погасил. Всё ещё хочется есть.

Вниз – картины моренного чехла, начала пути в Ворух, по которому нам предстоит идти. Очень много сыпухи, иногда озёра, мультды с водой. А на перевале холодно. Ноги мокрые и мёрзнут поэтому. Хоть и солнце, а что-то не нравится день.

Над хребтом иногда пролетает птица, типа орла. И не боится упасть на камни с такой высоты?..

Справа видны высыпания камней. Стас говорит, что это наш перевал. Не ошибиться бы... Пойти переобуться, что ли...

Пока шёл до перевала (а этот перевал такой: длительный подъём на подходе, потом сразу спуск, горбинка между подъёмом и спуском – и есть перевал), движение казалось бесконечным, и я смог пройти эту бесконечность, сливающуюся в глазах в один путь под ногами, когда надо было сосчитать эту бесконечность в шагах.

Отсюда видно то место, куда мы первоначально сегодня забурились, и отсюда оно кажется балконом. Красиво, стоит посмотреть фотки!

Стоянка обжита (стоим перед спуском на сыпуче), я нашел ржавые плоскогубцы, также здесь валяется всякий хлам: целлофановые пакеты, зубные щетки забытые или брошенные, банки из-под всякой чуши. Пропылесосить бы ☺.

Солнце постепенно заходит, но еще светло и более-менее светло. Что бы там не говорил Стас (он, кстати, дежурит, я – завтра, в долине) про терминатор, реальный терминатор – ползёт сейчас по земле. Одной ногой можно быть в ночи (в месте, куда солнечные лучи напрямую уже не попадают), другой – в дне, освещенной части.

Устали плечи. Хоть рюкзак и похудел, но тащить его все равно приходится на себе. Завтра – вниз, по моренам, к долине, и больше, значительно больше вниз, чем вверх. Жор вроде бы немного ослабел, но все равно с нетерпением жду ужина, вспоминая, как на обеде съел (о верх грехопадения!) даже кубик Магги в холодной воде, который до сих пор в горле комом.

20 августа.

Вчера Стас поранил руку («Саня, перекинь водорода, бинты, быстрее!»), заглядевшись на солнце и неловко упав на острый камень. Сегодня на обеде разматаем,

посмотрим. А пока он всё делает одной рукой, и даже с учетом этого все равно собрался быстрее Митьки.

Я вместо него заступил на дежурство, отдежурил завтрак (ужин он успел приготовить), буду теперь обедоварильщиком. Встал в 6, на одной из горелок-огоньков вспыхнуло, дальше готовил на одной.

Утро хорошее, доброе (не такое как в той записке, которую нашли в Турции, всю поеденную дождями, не «хреновое»), только прохладный ветерок чуть мешают. Хорошо, что вчера не успели спуститься ниже – на предположительном месте ночёвок до сих пор тень от скал. Сейчас начнём по сыпуче вниз ссыпаться.

Как и предполагалось, сбежали вниз по сыпуче, к трём озерам, зелёному и двум черно-зелёным. Я один раз упал так, что грудину бы себе повредил, не удержись руками о камень.

Бежим по этому каменному мусору в сторону нормальной зелёнки. Надеюсь, до обеда успеем. Устал спиной – поясной ремень не работает – сломалась пряжка.

Стас бежит как игральный автомат, Однорукий Джо, и это ему несколько не мешает, по крайней мере, с виду. Как не мешает Серёге его тёплый костюм, с которым он упорно не желает расставаться, несмотря на теплую и даже жаркую, погоду. Сейчас перекись водорисовал Стасу рану от ледоруба. Жить будет.

Встают вершины-мекки альпиноидов – 4810, Асан, Усан, как сказал Стас.

...К ужину. С Асаном и Усаном нехорошо получилось. Никакие это не они. Об этом нам сообщили словенские альпинисты, которые стоят лагерем у реки. Здесь же тусуются киргизы, которые пытаются срубить денежек. Вот сейчас подошёл к нам один киргиз, спрашивает, «откуда-куда». С русскими деньги не катят, просто не дают. Говорит, что чехи были ещё, но ушли.

Подходил англичанин, пораспрашивал нас о нас. Ванёк спросил у него про сахар, который у нас в личке почти у всех кончился. Не повезло, у них самих мало.

Стоим лагерем в этом маленьком альплагере. Подошел иркутчанин, который ходил на Асан, теперь вот перебрался сюда и полезет на пик Слёсова.

Варим на костре. Рядом роща арчи, много сушняка, потому и костёр.

Пейзаж забавный, лошади резвятся, валяются спинами на траве, альпинисты тоже резвятся, жгут костры, арча дымит, ишаки орут. Киргизы сидят кружком и пьют свой знаменитый чай.

«Мы залезли в арчу и купили долги» – вот такое вот извращение известной песни меня преследует уже дня два в пути.

21 августа.

... Вчера долго сидели у костра – Стас играл с раненой рукой («Шел под красным знаменем командир полка»). Соседи-буржуи в честь последнего дня запалили большой костёр и чуть ли не прыгали через него, фотографировались. Немцы, спустившиеся с балды, тоже где-то среди них... А сегодня утром киргизы на лошадях повезли их скарб вниз... Мы последние (почти) на поляне. Если не считать коров.

По ходу взгляда сужение долины и вдалеке горы, в обратную сторону – то же самое. Находимся как бы в лунке вытянутой долины, во рту между губ. Над головой застыло небо, цвикают цикады, справа по ходу нашего пути течет река Каравшин. Недалеко отсюда остатки солдатской казармы, походной кухни, солдатского быта.

Вышли с утра, встретили охотника с сыном и осликом ☺. Что-то везли вдоль рукотворного арыка, который некоторое время нашего пути сопровождал нас, и казалось, будто вода в нём часто течёт вопреки законам физики – вверх по склону.

Вышли на дом, рядом с домом – киргизка, дети. Привет-привет.

Попали не туда, отклонились от тропы, полезли вверх, хотя надо было идти вдоль реки. У посёлка Каравшин пришлось спускаться, увидели эту самую тропу.

Пообедали на реке Джаупая, вода в которой была на удивление чистой, с голубоватым оттенком, что совсем не характерно для таких районов, как Памиро-Алай (Джаупая впадал в Карасу и было заметно, как чистая и мутная вода еще долго не могли смешаться). Чай с плодами шиповника, кизила и облепихи был великолепен!

Кишлак Каравшин давно заброшен (собирались купить киргизских лепешек). Поломанные мазанки, отсутствие людей, скота – удручающее зрелище. Чувство, будто в живую видишь, сколько здесь было любви, свиданий, детей, семей, труда, пусть даже зла, и все это стало тенью среди этих разрушенных домов и загончиков для скота. Когда-то это был большой кишлак, где кипела жизнь. Но Советский союз кончился, а многое здесь держалось именно на Советской власти...

Пройдя поселок, пропустили осликов, которые волокли грузы типа рюкзаков. А погонщик пропустил нас, тех же осликов, с грузами рюкзачными теми же.

После впадения реки Карасу в Джаупая, последняя уходит в глубокий каньон, а тропа забирается на склон, чтобы через некоторое время спуститься вновь к реке к очень узкому месту. На первый взгляд складывается ощущение, что тропа входит в реку, но в последний момент тропка за скальным мысом резко поворачивает вправо и выводит на ровную поляну, поросшую небольшими деревцами акаций. Чуть дальше реку переходим по бревенчатому мостику на левый берег и снова поднимаемся высоко на склон, где ребята знакомятся с таким понятием, как «овринг». Это искусственно сделанная тропа по склону горы. Иногда ее выдалбливают в скале, а иной раз, как сейчас, горизонтально закрепляют на склоне небольшие стволы деревьев, которые засыпают камнями и грунтом. Получается как бы прилепленный к склону или скале тротуар. Такие тропы - зрелище не для слабонервных!

Пощекотав себе нервы, вскоре спускаемся к урочищу Уртачашма. Здесь Джаупая принимает мощный поток Джигтыка и образуется Каравшин. «Попаслись» в абрикосовой роще и насобирали абрикосов, хотя они уже больше похожи на урюк. Но урожай был достаточно хороший, чтобы в течение нескольких дней три раза в день готовить абрикосовые компоты...

Вдоль реки и долины – вниз. Река где-то внизу, мы – где-то наверху. Через урюковые деревья в количестве трёх штук и камень, под которым Стас нашел змею, через каньон, где нам пришлось идти прямо по воде, потому что тропу заливают, и где скалы нависают над рекой и людьми, через стойбище охотников с рогами баранов убитых на шестах, к месту ночёвки.

Каравшин после поворота на восток углубляется в скальный каньон, перед которым переходим на правый берег. Тропа проходит под нависающими и кажущимися рыхлыми скалами (жуткое и потрясающее зрелище!). Через некоторое время вновь переходим на левый берег, под нависающей скалой проходим небольшой участок прямо по воде (!), преодолеваем длинный подъем и выходим на большую террасу, где много строений с военным акцентом. Рассчитывали здесь заночевать, поскольку должна быть вода, но прошли уже почти всю террасу, а воды нет. И только у самого

края, под скальными стенами отрога увидели, а, вернее, услышали шум речки. Так она заросла кустарником! Но, зато, она была чиста, как слеза!

Звёзды, как фонари! И падают! Но ребята сегодня устали, а потому быстро уходят спать...

Ванька предложил днёвку. Отклонено. Ели компот из урюка. Вчера вечером и сегодня утром. Идется, пожалуй, тяжеловато. Ванёк отстаёт, зато Серый бежит вперед, разбежался.

«Скалы из кизяка» закончились, теперь начались какие-то красноватые. Пересохшие ручьи. Хорошо хоть дорога радуёт – почти двухполосная, для осликов-тягачей и осликов-фур. Есть, где разойтись.

Ясное, тёплое утро. Лагерь в тени. Сегодня съели весь сыр. Он ужасен, пока его не почистишь. Сухарей осталась одна жменька. Сахара совсем чуть-чуть, но на пару дней хватит. Сегодня должен быть тяжёлый день...

По жердочкам через ручей и почти сразу на правый берег Каравшина. Чуть дальше начинается старая заброшенная дорога, по которой мы повторяли все изгибы отрогов долины. Долина выжжена солнцем. Редкие деревца растут только рядом с рекой, которая шумит глубоко в русле. А рядом с дорогой только пожухлая трава, камни и пыль... Проходили сухие русла ручьев, где не было воды. Это вызывало тревожные чувства... Может быть, именно поэтому ни у кого не возникло сомнений, чтобы остаться пообедать у небольшого ручейка, который пересекал дорогу и утекал в буйные заросли. Попытались через них пролезть, но не смогли – такие густые, с огромными колочками! Но зато в конце этого оазиса нашли небольшую абрикосовую рощу, где и остановились. Обед плавно перешел в полдник, а потом и в бивак. Движение по пыльной дороге утомляло не меньше, а может быть, и больше, чем снега и льды или техническая работа... Прогулки вдоль берега Каравшина, абрикосовый компот, иглы дикобраза, которые нашли на берегу реки... Надеемся, что все это вернет нас к цивилизованной жизни.

...Далеко после обеда. Заобедали в оазисе у реки. Деревья, арыки.

После обеда (готовил Димка суп плюс облепихово-урюковый компот), завалился в одних шортах спать на земле (позже завернулся в пуховку), и было не холодно, несмотря на прохладный ветер вдоль реки. Только мухи мешали. Твари Божьи.

Приснилось, пока наши обивали остатки урюка с деревьев палками, что я практически купил хлеб на всех на железнодорожной станции какой-то. Только вот из сна не смог вынести ☺.

Проснулся, а в заднице камни – ягодицы за поход накачались.

Димка и Ванька делают навес, чтобы ночевать под ним, из полиэтилена. Полиэтилена катастрофически не хватает. От дождя, во всяком случае, точно. Но дождя быть здесь не должно ☺.

А над всем этим – горы, и все как-то по-домашнему, привычно и мило. Даже дороги проселочные, если бы были не однокорейки, и рюкзак, оттягивающий при ходьбе плечи. А от дороги периодически взлетали куропатки.

Солнце какое-то жалкое – ни жарко, ни холодно. Комфортно.

24 августа.

Новый день и новая дорога, хотя на самом деле она очень старая и не ухоженная. Но наш путь таков, что мы должны пройти Каравшин от начала и до конца, где он

примет большой приток – реку Кшемыш. Там и закончится наш путь. А сейчас идем, изнывая от жары, при каждом случае умываясь речной водой.

Ближе к полудню подул легкий ветерок, стало по легче. Миновали еще одну абрикосовую рощу на левом берегу. Чуть позже вышли к мосту (солидный, металлический), переправились на левый берег и по тропе ушли выше реки, на берегу которой осталась абрикосовая роща. У следующего оазиса остановились на обед. От солнца никакого спасения – жжёт немилосердно! Ребята решили искупаться в одной из проток Каравшина, но контраст температуры такой, что сводит ноги...

...За очередным серпантинном дороги увидели... УАЗик (!) и отдыхающих в его тени людей: мужчины, женщины и много детей. Приглашали нас поехать с ними, но мы решили идти сами. Осталось уже немного.

Около очередной рощи встретились с аксакалом-киргизом, который угостил нас помидорами и лепешкой. Поговорили. Он хорошо знает русский, учился в СССР, служил в армии, много ездил по стране. Сейчас ему 70 лет, у него четверо детей: две дочери и два сына. Все уже взрослые, живут в городе.

Ещё полчаса и вышли к киргизской заставе, где нас взяли в оборот. Но усталость была такой, что мы проигнорировали все предъявляемые к нам претензии. В итоге появился компромиссный вариант, который устроил всех (нас в меньшей степени) и мы уехали в поселок Аксай, где разместились на строящейся заставе.

...На погранзаставе Аксай, куда были притащены едва ли не силой начальником заставы Бахтияром, всю ночь орала ишаки, выражая, таким образом, полученную родовую травму – не быть лошадкой, пели птицы, гавкали псы, падали яблоки. Серый с пергаментным лицом входил и выходил из палатки – не спалось ему, видите ли...

Вчера дойдя до погранзаставы, нас замучил начальник заставы, предлагая помощь в оформлении печатей на таможенных, чтобы потом опять ехать куда захотим. 100 баксов отдали таки ночью. Уехал.

Привезли нас на своем УАЗике (как все влезли (!), до сих пор загадка сия есть для меня), провезя через Ворух, заклеив жителей этого анклава в 72 тысячи человек как наркоторговцев и торговцев оружием. Завезли на территорию, в соседство к гастарбайтерам, строящим эту, с позволения сказать, заставу.

Ванька, Серый и Митька пошли за сахаром и киргизскими шапками (в подарок Стасу, и себе еще Серый купил). В ожидании их смотрели на гастарбайтеров-студентов-практикантов, ели не созревшие яблоки с соседнего дерева.

Сварили пшенку (отжираловка на тройной порции, которая не использованная останется, если что). Ночью горы казались отсюда, из этой долине, разбитым стеклом, одной из его частей.

На этом можно было бы и закончить. Маршрут пройден. Группа вернулась в цивилизацию, все живые. Но дело в том, что и во время отъезда происходили интересные и даже удивительные вещи. Ведь это не поход, а настоящая экспедиция!

Например, утром следующего дня, когда было еще темно, группа поздравляла меня с днём рождения, и подарила мне национальный головной убор Киргизии! Позже начальник заставы привёз наши паспорта с уже проставленными штампами, и предоставил в наше распоряжение свою машину (правда, нам пришлось ее заправить на свои деньги), чтобы отвезти нас в Исфару. На автостанции водитель машины договорился с таджиком микроавтобуса, на котором мы уехали в Худжент. В дороге связа-

лись по телефону с Мирджалолом (подвозил в начале маршрута)! Он приехал за нами на автостанцию в Худженге и... устроил нам царский прием!

Сначала пообедали, познакомившись с очередным национальным блюдом – шурпой. Потом была сауна с холодным бассейном! Затем турбаза, расположенная на берегу Кайраккумского водохранилища, с водой цвета бледной бирюзы! А вечером был настоящий праздник с жареной в казане бараниной, таджикскими лепешками, салатами и молодым виноградным вином с красивыми мужскими тостами в честь дня рождения командира и окончания маршрута. И рассказы, тосты, истории!

Следующий день отмечу: тортом с надписью «Стасу -46», неожиданной встречей в чайхане с московской группой Петра Рыкалова. И вот знакомство, обмен впечатлениями, экстремальное купание в теплых водах Сырдарьи...

...Солнце, «море», легкий бриз, полностью расслабленное тело. Еще бы поменьше таджикских мужчин вокруг и побольше девчонок. Наши сидят за столом с Джалолом, который опять рассказывает что-то восточное.

Ночь – бой с мухами и животом. С утра – торт и арбузы, загорание и купание на катамаране. Завтра – отъезд после воскресного базара на границу с Узбекистаном.

Утром сборы, экскурсия по Худженгу: побывали в музее – уменьшенной копией Зимнего дворца, хлопковые поля, национальная кухня, угощения инжиром прямо с дерева!

Пыльная дорога, таможенный пункт Ойбек, жара. Попутные машины до Ташкента. Встреча с Борисом. Все эти моменты растянулись на долгие часы дороги. Этот день был самый длинный из всех. Борис и его жена Людмила были рады неожиданной встрече с нами, что все живы и здоровы!

Экскурсионная прогулка по столице Узбекистана: музей Тимура, площадь Алишера Навои, площадь Независимости, выставка работ художников прямо на асфальте... И, конечно, главная достопримечательность Ташкента – фонтаны! Их великое множество, совершенно разных по форме, размеру, оригинальности... В такой жаре это очень здорово и приятно...

Потом снова сауна с таким горячим паром, что уши сворачивались в трубочки, а в бассейне была такая холодная вода, что от разгоряченного тела поднимался пар...

Утро следующего дня посвящено поездке в метро на рынок Чорку, в старый город. Рынки в Ташкенте – это настоящий театр! Такое можно увидеть только в Азии! Длинные ряды, аккуратно упакованные всевозможными фруктами, овощами и прочей снедью... Хотя есть и обычные советские рынки, вроде нашей барахолки. Кто купил на память тубетейки, кто национальные ножи, кто пиалы с чайниками... Без подарков не остался никто.

А вечером сборы, прощания, поезд, бессонная ночь из-за таможни, контролей, досмотров... Давно мы не путешествовали так долго. Уже считали дни и часы до скорой встречи с родными и близкими...

Так закончилась экспедиция по Матчинскому горному узлу в Киргизстане и Таджикистане.

Участник экспедиции Плешаков Александр
Руководитель экспедиции, мастер спорта России Кушманцев Станислав